Подається російською мовою!

Пьеса в двенадцати картинах

Перевод с немецкого Юрия Архипова и Андрея Викторова

Действующие лица

А н д р и

Б а р б л и н

У ч и т е л ь

М а т ь

С е н ь о р а

С в я щ е н н и к

С о л д а т

Т р а к т и р щ и к

С т о л я р

Д о к т о р

П о д м а с т е р ь е

И д и о т

Н е к т о

Е в р е е в е д.

Солдаты в черной униформе.

Жители Андорры.

П р о л о г

НЕКТО. Андорра этой пьесы не имеет ничего общего с действительно существующим карликовым государством того же названия; не имелось в виду также никакое другое действительно существующее карликовое государство; Андорра – это…

Появляется Андри. Он подходит к музыкальному автомату, кидает монету и нажимает кнопку. Гитара – Задумчивая

…Андорра это…

В проемах штор появляются все актеры, одевают костюмы.

…Андорра это — название модели. (Бьет в гонг.)

Барблин и Солдат занимают места для начала первой сцены.

Картина первая. Площадь Андорры.

К а р т и н а п е р в а я

Барблин белит. Рядом андоррский Солдат.

БАРБЛИН. Вот если бы ты не пялился все время на мои коленки, то и сам бы видел, что я делаю. Белю, вот что. Завтра праздник святого Георгия, чтобы ты знал. Я белю отцу дом. А вот вы, солдаты, вы что делаете? Пальцы за ремень, и пошли слоняться по улицам, — только и ждете, что какая-нибудь из нас нагнется, а вы и рады ей сразу под блузку зыркнуть.

Солдат хохочет.

Я помолвлена.

СОЛДАТ Помолвлена! Помолвлена – не выдана еще.

БАРБЛИН. Нечего скалиться, тут тебе не цирк.

СОЛДАТ. У него что, грудь цыплячья?

БАРБЛИН. Это почему же?

СОЛДАТ. А потому, что ты его показать боишься.

БАРБЛИН. Отвяжись!

СОЛДАТ. Или, может, он плоскостопый?

БАРБЛИН. Почему это плоскостопый?

СОЛДАТ. А чего же он с тобой не танцует?

Барблин молча продолжает белить.

Он, должно быть, ангел. (Хохочет.) Раз я его ни разу не видел.

БАРБЛИН. Я помолвлена. (Окунув кисть в ведро.) И вообще — тебя я терпеть не могу.

(Белит.) Ты все еще тут?

СОЛДАТ. Я в отпуске.

БАРБЛИН. Что тебе еще нужно?

СОЛДАТ. Хочу знать, кто твой жених.

Барблин продолжает белить.

Все белят отцовские дома, потому что завтра праздник святого Георгия. Белите, непорочные дочери Андорры, белите отцовские дома, чтобы еще белее стала наша Андорра, наша белоснежная Андорра.

Ты тоже непорочная? (Хохочет.) Значит, ты меня терпеть не можешь?

БАРБЛИН. Да.

СОЛДАТ. Другие тоже так говорили, а потом все равно моя брала,— только бы мне их коленки и их волосы понравились.

Барблин показывает ему язык.

И их розовый язык! (Хватает ее за руки.) Где там твоя каморка?

Появляется Священник на велосипеде.

СВЯЩЕННИК. Вот что мне нравится, Барблин, то нравится. Белите, непорочные дочери, белите, чтобы еще белее стала наша Андорра, наша белоснежная Андорра. Только бы вот дождик ночью не пошел.

Солдат хохочет.

А отца нет?

СОЛДАТ. Только бы вот дождик ночью не пошел! А это все потому, что церковь-то его не так бела, как кажется. Она тоже, оказывается, из земли сделана, а земля-то красная: прольет дождичек — и вся к черту, как свинью на ней резали. Вот вам и белоснежная штукатурка, вот вам и белоснежная церковь. (Протягивает ладонь, как бы проверяя, не каплет ли дождь.) Только бы вот дождик ночью не пошел. (Хохоча, уходит.) Только бы дождик не пошел.

СВЯЩЕННИК. Чего этому тут нужно?

БАРБЛИН. Ваше преподобие — это правда что люди говорят? Они собираются напасть на нас, черные-то, потому что им завидно, что у нас такие белые дома. Вот, говорят, в одно прекрасное утро, в четыре часа они и придут. У них тысячи черных танков, и они разворотят все наши поля, а с неба, как саранча, посыплются парашюты.

СВЯЩЕННИК. Кто это тебе сказал?

БАРБЛИН. Да Пайдер, солдат. (Окунает кисть в ведро.) А отца дома нету.

СВЯЩЕННИК. Так я и думал. Почему твой отец так много в последнее время пьет? И потом бранится на весь мир. Он забывает, что он учитель. Почему он все время болтает глупости?

БАРБЛИН. Почем я знаю, что он там, в кабаках болтает.

СВЯЩЕННИК. У него просто больное воображение. Разве мы тут не возмущались все, когда эти черные устраивали там, у себя, вифлеемские избиения младенцев, разве мы не собирали одежду для

беженцев? А он говорит, что мы ничуть не лучше этих черных. К чему он это все время твердит? Ничего удивительного нет, что людям это не нравится. Учителю не пристало так говорить. И почему он верит всяким трактирным сплетням?

Пауза.

Никто не преследует вашего Андри. Гитара – Задумчивая (плавно ввести)

Барблин вздрагивает и прислушивается.

Никто еще волоса на его голове не тронул.

Барблин продолжает белить.

Я вижу, ты стараешься. Ты уже не ребенок, ты работаешь, как взрослая девушка.

БАРБЛИН. А мне и есть девятнадцать.

СВЯЩЕННИК. И ты все еще не обручена?

Барблин молчит.

Надеюсь, тебе не приглянулся этот Пайдер?

БАРБЛИН. Нет.

СВЯЩЕННИК. У него нечистые глаза. Он стращал тебя? Это он просто важничал.

Зачем им на нас нападать? Микрофон с холлом.

Наши домики тесны, наши поля неровны и каменисты, и маслины наши не сочней, чем у других. Чего им от нас хотеть? Кто захочет нашей ржи, ему придется жать ее серпом и нагибаться при каждом шаге. Андорра — красивая страна, но она бедная. Мирная страна, слабая страна — и благочестивая. Бога мы боимся — ведь мы боимся Бога, дитя мое?

Барблин продолжает белить.

А, дитя мое?

БАРБЛИН. А если они все-таки придут?

СВЯЩЕННИК. Ну, мы увидимся завтра, Барблин. Скажи своему отцу, что святой Георгий не хотел бы видеть его пьяным. (Садится на велосипед.) Или лучше ничего не говори, а то он опять разбушуется. Но гляди за ним.

БАРБЛИН. А если они все-таки придут, ваше преподобие? Это правда, ваше преподобие, что люди говорят? Они говорят: когда придут черные, всех евреев сразу заберут. Привяжут каждого к столбу и будут стрелять в затылок. Это правда, или только люди болтают? А если у него есть невеста, ее, говорят, остригут, как паршивую собаку. (Бежит за священником, видя что он уезжает.) Ваше преподобие! Ваше преподобие! 🎼 Гитара – Задумчивая (плавно ввести)

Некто подходит к ней, садится на стул, взяв ведерко и кисть .

НЕКТО. Добрый вечер.

БАРБЛИН. Добрый вечер.

НЕКТО. Приятный сегодня вечер. Только душно.

БАРБЛИН. Да.

НЕКТО. Скоро начнется.

БАРБЛИН. Что вы хотите сказать?

НЕКТО. Гроза. Как все ждет ветра — листва, занавески, пыль на дороге. И при этом ведь на небе ни облачка, но все равно чувствуется. Такая горячая тишина. Мошки это тоже чувствуют. Такая сухая и сонная тишина. По-моему, будет гроза, сильная гроза. Для земли это хорошо...

Отдает Барблин ведерко с кистью – знак, что сцена окончена.

В трактире.F0F0 (Веселая, громко)

Столяр и Учитель садятся за столик перед кабачком.

УЧИТЕЛЬ. Я говорю про своего сына.

СТОЛЯР. Я сказал — пятьдесят фунтов.

УЧИТЕЛЬ. Я имею в виду — приемного сына.

СТОЛЯР. Я сказал — пятьдесят фунтов. (Стучит монетой по столу.) Ну, мне пора. (Стучит еще раз.) А чего это он вздумал стать столяром? Стать столяром — это не так просто. Это должно быть в крови. А откуда у него это в крови? Я просто так говорю. Чего бы ему не стать маклером? Это я к примеру. Чего он не пойдет на биржу? Я просто так говорю...

УЧИТЕЛЬ. Откуда этот столб?

СТОЛЯР. Не понимаю. Вы о чем?

УЧИТЕЛЬ. Да вон же!

СТОЛЯР. Что с вами? Вы так побледнели.

УЧИТЕЛЬ. Я говорю про столб!

СТОЛЯР. Я не вижу никакого столба.

УЧИТЕЛЬ. Да вон же!

Столяр оборачивается.

Это что, по-вашему, не столб?

Трактирщик появился и показывает столяру, что Учитель бредит.

СТОЛЯР. А-а… Ну, столб. Ну и что?

УЧИТЕЛЬ. Его же вчера не было.

Столяр смеется.

Ничего смешного тут нет. Прадер, вы прекрасно понимаете, о чем я говорю.

СТОЛЯР. Кан, вы перебрали.

УЧИТЕЛЬ. Зачем здесь этот столб?

Столяр стучит монетой по столу

Я не пьян. Я вижу то, что есть, и говорю о том, что вижу, и вы все это тоже видите.

СТОЛЯР. Мне пора. (Бросает монету на стол и встает.) Я сказал пятьдесят фунтов.

УЧИТЕЛЬ. Это ваше последнее слово?

СТОЛЯР. Меня зовут Прадер.

УЧИТЕЛЬ. Пятьдесят фунтов?

СТОЛЯР. Я не торгуюсь.

УЧИТЕЛЬ. О, я знаю, вы человек благородный... Прадер, это же грабеж, пятьдесят фунтов за обучение. Это же грабеж. Вы просто шутите, Прадер, вы просто шутите. Я учитель, у меня скромное жалованье, у меня нет состояния, как у столярных дел мастера, откуда же я возьму пятьдесят фунтов, так вот сразу, — нет их у меня!

СТОЛЯР. Ну, нет так нет.

УЧИТЕЛЬ. (кричит) Прадер...

СТОЛЯР. Я сказал — пятьдесят фунтов. (Уходит.)

Входит Трактирщик.

ТРАКТИРЩИК. Что тут у вас было?

УЧИТЕЛЬ. Еще водки.

ТРАКТИРЩИК. Неприятности?

УЧИТЕЛЬ. Пятьдесят фунтов за обучение!

ТРАКТИРЩИК. Я слышал. (Уходит за водкой.)

УЧИТЕЛЬ. Я их достану. (Хохочет.) Это должно быть в крови! Они еще узнают, что у них у самих в крови.

ТРАКТИРЩИК. (приносит бутылку и рюмки.) На земляков не надо сердиться, это их только злит, а менять — не меняет. Конечно, это грабеж! Андоррцы народ славный, но уж как дело коснется денег — я всегда говорил,— тут они все равно, что жиды. УЧИТЕЛЬ. Откуда вам всем известно, какие жиды?

ТРАКТИРЩИК. Кан...

УЧИТЕЛЬ. Откуда все-таки?

ТРАКТИРЩИК. Я ничего не имеют против твоего Андри. За кого ты меня принимаешь? Разве я взял бы его тогда в ученики? Чего ты так насупился? У меня есть свидетели. Разве я не повторяю все время, что Андри — исключение?

УЧИТЕЛЬ. Ах, перестанем об этом.

ТРАКТИРЩИК. Уж что исключение, то исключение.

Перезвон колоколов.

УЧИТЕЛЬ. Кто поставил тут этот столб?

ТРАКТИРЩИК. Где?

УЧИТЕЛЬ. Я не пьян, как думает его преподобие. Столб есть столб. Кто-то его поставил. Нынешней ночью. Столбы из земли не растут.

ТРАКТИРЩИК. Я не знаю.

УЧИТЕЛЬ. А зачем?

ТРАКТИРЩИК. Может, строительная компания, я не знаю, может, муниципальный совет, налоги ведь надо на что-то тратить. Может, тут хотят что-нибудь строить—какой-нибудь объезд или канализацию проводят — кто знает.

УЧИТЕЛЬ. Может быть.

ТРАКТИРЩИК. Или телефон.

УЧИТЕЛЬ. А может быть, и нет.

ТРАКТИРЩИК. Не понимаю, что с тобой.

УЧИТЕЛЬ. А зачем на нем еще веревка?

ТРАКТИРЩИК. Что-что?

УЧИТЕЛЬ. У меня не больное воображение, я не спятил, я вижу столб, а столб много для чего может пригодиться.

ТРАКТИРЩИК. Ну ты даешь! (Смеется.) Так он хочет пятьдесят фунтов?

УЧИТЕЛЬ. Я их достану.

ТРАКТИРЩИК. Как?

УЧИТЕЛЬ. Как-нибудь достану. (Выпивает рюмку залпом.) Землю продам.

Трактирщик присаживается за стол к Учителю.

Как-нибудь достану.

ТРАКТИРЩИК. Сколько у тебя земли?

УЧИТЕЛЬ. А что?

ТРАКТИРЩИК. Землю я скупаю. Если только не очень дорого? Я хочу сказать: если тебе уж так нужны деньги. Подумай, Кан, обдумай все спокойно, но больше пятидесяти фунтов я тебе не смогу дать. (Уходит, оставляя бутылку на столе.)

УЧИТЕЛЬ. "Андоррцы народ славный, но уж как дело коснется денег, тут они все равно что жиды". (Еще раз опрокидывает пустую рюмку.)

В это время к нему подходит Барблин, одетая для процессии.

БАРБЛИН. Отец...

УЧИТЕЛЬ. Ты почему не на процессии?

БАРБЛИН. Ты же обещал, отец, не пить в день святого Георгия...

Учитель кладет монету на стол.

Сейчас здесь все будут проходить. (Убегает.)

Некто встает.

УЧИТЕЛЬ (обращаясь к нему). Вот увидите, я еще скажу им всю правду. Я заставлю этот народ взглянуть на себя в зеркало. У него еще застрянет смех в горле.

Пятьдесят фунтов за обучение.

НЕКТО (напевает). Радуйся! Чистым сердцем веруй!.. хорал

Сразу же слышно высокое и громкое пение, звон колоколов; из глубины сцены идет процессия. Достигнув авансцены, останавливаются и поют. Андри в стороне от всех.

АНДРИ (шепчет). Барблин... Ты слышишь меня? Барблин?!

БАРБЛИН. Ну что?

АНДРИ. Я буду учиться на столяра!

Барблин последней присоединяется к процессии, Андри остается один.

Солнце сегодня в деревьях просвечивает зеленым. А колокола сегодня звонят и мне. (Снимает фартук.) Потом я всегда буду вспоминать, как мне было радостно в эту минуту. А ведь я всего лишь снимаю фартук, но как странно тихо. Хочется бросить свое имя в воздух, как шапку,— а ведь я всего лишь стою и свертываю фартук. Вот оно какое — счастье. Я никогда не забуду, как я стоял сейчас — здесь...

Барблин, мы поженимся! (резко снять)

Тишина.

НЕКТО. Вечером того же дня. Пластинка

Андри у музыкального ящика. Появляются Трактирщик и Солдат.

ТРАКТИРЩИК. Пошел, пошел! Налижется до чертиков и несет потом всякую чушь. Пошел, говорю. Больше ни капли не получишь.

СОЛДАТ. Я солдат.

ТРАКТИРЩИК. Видим, видим.

СОЛДАТ ...и меня зовут Пайдер.

ТРАКТИРЩИК. Тоже знаем.

СОЛДАТ. Ну вот.

ТРАКТИРЩИК. Послушай, парень, не буянь!

СОЛДАТ. Где она?

ТРАКТИРЩИК. Но это же все без толку, Пайдер. Раз девушка не хочет, значит, не хочет. Убери свои колотушки! Ты же пьян в лоскуты. Не позорь армию! (Уходит в кабачок.)

СОЛДАТ. Салаги! Не стоят они того, чтобы за них сражаться. Нет. Но я сражаюсь. И баста. До последней капли крови, и баста. Лучше смерть, чем рабство, и потому я говорю: не-ет! Я солдат, и она мне нравится...

Подходит к Андри и облакачивается на музыкальный автомат. Скрип пластинки, музыка обрывается

Где она?

АНДРИ. Кто?

СОЛДАТ. Твоя сестра.

АНДРИ. У меня нет сестры.

СОЛДАТ. Где Барблин?

АНДРИ. Зачем она тебе?

СОЛДАТ. У меня увольнительная, а девчонка мне нравится.

Андри снова бросает монету, нажимает кнопку. Пластинка

Солдат бьет по муз. автомату. Скрип пластинки, музыка обрывается

Андри надел пиджак и хочет уже уйти. Солдат подставляет ему подножку, Андри падает.

(Хохочет.) Солдат — это тебе не чучело. Понял? Ишь ты — убегает. Я солдат, и баста, а ты жид.

Андри молча поднимается.

Но тебе везет, тебе — как что? — чертовски везет, не каждому жиду везет так, как тебе. Ты умеешь нравиться.

Андри отряхивает брюки.

Я говорю: нравиться!

АНДРИ. Кому?

СОЛДАТ. Армии.

АНДРИ. От тебя несет.

СОЛДАТ. Что ты сказал?

АНДРИ. Ничего.

СОЛДАТ. От меня несет?

АНДРИ. На семь метров против ветра.

СОЛДАТ. Ты думай, что говоришь. (Пытается принюхаться к собственному дыханию.) Ничем от меня не несет.

Андри смеется.

Ничего смешного нет, если ты жид, ничего смешного, понял? Жид должен нравиться.

АНДРИ. Почему это?

СОЛДАТ (орет во все горло песню). Не таращи глаза, как генерал!

АНДРИ. Мне можно идти?

СОЛДАТ. Нет, господин генерал!

АНДРИ. Я не генерал.

СОЛДАТ. Правильно, ты — посудомой.

АНДРИ. Был.

СОЛДАТ. Что значит – был?

АНДРИ. Вот видишь, что это?

СОЛДАТ. Деньги?

АНДРИ. Мой расчет. Я теперь буду учиться на столяра.

СОЛДАТ. Черта-с два!

АНДРИ. Почему же это?

СОЛДАТ. Вот почему! (Выбивает у него деньги из руки и хохочет.)

Андри бледнеет и молча смотрит на Солдата. Появляется Идиот.

Жид всегда только и думает о деньгах.

Андри с трудом сохраняет над собой власть; потом нагибается и собирает монеты на мостовой.

Так ты что, не хочешь нравиться?

АНДРИ. Нет.

СОЛДАТ. И баста?

АНДРИ. Да.

СОЛДАТ. И за таких вот мы должны сражаться? До последней капли крови! Ты понимаешь, что это значит? Один батальон против двенадцати,— все подсчитано. Лучше смерть, чем рабство, понятно? Только это не для тебя!

АНДРИ. Что понятно?

СОЛДАТ. Андоррец не может быть трусом. Пускай они попробуют сунуться к нам со своими парашютами, как саранча с неба. Ничего у них не выйдет, или меня зовут не Пайдер. Со мной не выйдет. И баста. Со мной не выйдет. Все еще ахнут!

АНДРИ. Кто это ахнет?

СОЛДАТ. Вы все слыхали?

Входит Идиот. Он умеет только ухмыляться и кивать.

(Обращается не к нему, а к воображаемой толпе.) Он опять говорит, что мы боимся. Потому что он сам боится! Он говорит, мы не будем сражаться до последней капли крови, мы не умрем, если их будет больше; мы подожмем хвост и наложим в штаны — до самых голенищ. Вот что он смеет говорить — мне в лицо, армии в лицо!

АНДРИ. Я не сказал ни слова.

СОЛДАТ. Я спрашиваю: вы все слыхали?

Идиот кивает и ухмыляется.

Андоррец не может быть трусом!

АНДРИ. Это ты уже говорил

СОЛДАТ. А вот ты трус!

АНДРИ. Это почему же я трус?

СОЛДАТ. Потому что ты жид.

Идиот ухмыляется и кивает.

Ну, я пошел...

АНДРИ. Только не к Барблин!

СОЛДАТ. Ишь ты, даже уши у него покраснели!

АНДРИ. Барблин моя невеста!

Солдат хохочет.

Я говорю серьезно.

Солдат орет грубую непристойную песню.

Иди, иди!

СОЛДАТ. Он говорит — невеста!

АНДРИ. Она тебя за дверь выставит.

СОЛДАТ. А мы ей и за дверью вставим!

АНДРИ. Ты скотина.

СОЛДАТ. Что ты сказал?

АНДРИ. Скотина.

СОЛДАТ. А ну-ка, повтори. Ишь, как он дрожит! А ну-ка, повтори. Только громко, на всю площадь.

Ну-ка, повтори.

Андри уходит.

Что он сказал?

Идиот ухмыляется и кивает.

Скотина? Я скотина?

Идиот кивает и ухмыляется.

Не хочет он мне нравиться.

Андри подходит к трактирщику, чтобы объяснить, что он не виноват, но тот резко отталкивает его от себя. Выстрел + Фон

Просцениум

Трактирщик хочет уйти, но Некто высвечивает его лучом фонаря.

НЕКТО. Спустя много лет трактирщик будет с гордостью повторять, что он был первый, кто дал Андри работу. А в том, что произошло потом, уж кто-кто, а он-то никак не виноват.

ТРАКТИРЩИК (выходит вперед). Я признаюсь, мы все в этой истории ошибались. Тогда. Конечно, я думал так же, как и все другие тогда думали. И он сам так думал. До последнего момента. Все считали, как это здорово, что Учитель спас еврейского ребенка и заботится как о собственном сыне. Я, во всяком случае, всегда считал, что это здорово. Разве я привел его к столбу? Когда он был у меня в посудомоях, разве я плохо с ним обращался? Я не виноват, что все так получилось. Это все, что я могу сказать об этой давнишней истории. Я не виноват.

НЕКТО. (Некто бьет в гонг.) Комната Барблин.

К а р т и н а в т о р а я

Каморка Барблин.

БАРБЛИН. Андри, ты спишь?

АНДРИ. Нет.

БАРБЛИН. А почему ты меня не поцелуешь?

АНДРИ. Я все думаю. Барблин.

БАРБЛИН. Всю ночь.

АНДРИ. Все думаю, правда ли то, что они говорят. Ты считаешь, что они правы?

БАРБЛИН. Ну вот, опять ты начинаешь?

АНДРИ. Может, они и нравы.

Барблин занята своими волосами.

Может, они и правы.

БАРБЛИН. Ты меня всю растрепал.

АНДРИ. Они говорят, что у таких, как я, не может быть чувств.

БАРБЛИН. Кто это говорит?

АНДРИ. Да многие.

БАРБЛИН. Ну посмотри теперь на мою кофточку!

АНДРИ. Все.

БАРБЛИН. Снять ее? (Снимает кофточку.).

АНДРИ. Знаешь, они говорят, что такие, как я, похотливы, но бесчувственны.

БАРБЛИН. Андри, ты слишком много думаешь! (Опять ложится к нему на колени.)

АНДРИ. Я люблю твои волосы, твои каштановые волосы, твои легкие, теплые, горькие волосы Барблин. Я умру, если их потеряю. (Целует ее волосы.)

Неожиданный шум.

Что это?

БАРБЛИН. Кошка.

Андри прислушивается.

Я же ее видела.

АНДРИ. Это правда была кошка?

БАРБЛИН. Да спят уже все... (Опять ложится к нему на колени.) Поцелуй меня!

Андри смеется.

Чего ты смеешься?

АНДРИ. Я же должен быть благодарен!

БАРБЛИН. Не понимаю, о чем ты говоришь.

АНДРИ. О твоем отце. Он меня спас, и он сочтет это черной неблагодарностью, если я соблазню его дочь. Я смеюсь, но мне не смешно. Не смешно, когда все время надо быть благодарным людям за то, что ты живешь.

Пауза.

Может, потому мне и не весело.

Барблин целует его.

А ты уверена, Барблин, что ты меня любишь?

БАРБЛИН. Ну что ты все время об этом спрашиваешь.

АНДРИ. Другие веселее, чем я.

БАРБЛИН. Другие!

АНДРИ. Может, они и правы. Может, я и вправду трус, иначе я давно уже пошел бы к отцу и сказал ему, что мы помолвлены. Скажи — я трус?

Микрофон с холлом. Издали слышен пьяный шум. Солдат что-то орет.

Они все еще орут.

Шум затихает.

БАРБЛИН. Я теперь совсем из дома не выхожу, чтобы они не приставали. Я думаю о тебе, Андри, целый день думаю, пока ты на работе, а сейчас ты со мной, и мы одни, я хочу, чтобы ты думал обо мне, Андри, а не о других. Слышишь? Только обо мне и о нас. И еще я хочу, чтобы ты был гордым, Андри, счастливым и гордым, потому что я люблю тебя и никого другого.

АНДРИ. Я боюсь быть гордым.

БАРБЛИН. А теперь я хочу, чтобы ты меня поцеловал.

Микрофон с холлом. Издали слышен пьяный шум. Солдат что-то орет.

Много-много раз! (Андри медлит.) Вот я не думаю о других, Андри, когда ты меня обнимаешь и целуешь. Честное слово — ни о ком не думаю.

АНДРИ. А вот я думаю.

БАРБЛИН. Ну что ты все время с этими другими — другие, другие.

АНДРИ. Они опять мне подставили подножку.

Бьют часы.

Я не понимаю, почему я не такой, как все. Ну скажи, почему? Я не понимаю...

На другой башне бьют часы.

Опять уже три.

БАРБЛИН. Давай спать!

АНДРИ. Тебе со мной скучно,

Барблин молчит.

Погасить свечу?.. Ты можешь спать, я тебя в семь разбужу.

Пауза.

Это не мнительность, о нет. Такие люди бывают — проклятые. С ними можно делать все, что угодно. Достаточно одного твоего взгляда, и ты уже сразу такой, как про тебя говорят. Вот это самое ужасное. Это есть у всех, и никто этого не хочет, а куда это деть? В воздух? И в воздухе оно есть, но там оно остается недолго, оно должно опять войти в человека, чтобы в один прекрасный день его можно было схватить и убить... (Берет свечу.) Ты знаешь такого солдата — Пайдера?

Барблин мурлычет, уже в полусне.

Он говорит, что ты ему нравишься.

БАРБЛИН. Ах, этот!

АНДРИ. А я думал, ты уже спишь. (Задувает свечу.)Выстрел + Фон

Просцениум

В луче света Некто и Столяр.

НЕКТО. Много лет спустя, изрядно разбогатевший столяр Прадер, будет говорить, что все, что случилось с Андри, доказывает только одно: ни за какие деньги нельзя стать столяром, если этого нет в крови.

СТОЛЯР (выходит вперед). …Эти пятьдесят фунтов тогда за обучение — признаюсь: я их запросил, потому что не хотел брать его к себе в мастерскую. Я ведь знал, что от этого будет только одна морока. Чего, спрашивается, он не хотел стать продавцом? Я думал, что это ему больше подойдет. Никто же не мог знать, что он... не это самое. Я только могу сказать, что я, в сущности, ему же добра желал. Я не виноват, что потом все так получилось.

НЕКТО. В столярной мастерской.

К а р т и н а т р е т ь я

Столярная мастерская. Андри и Подмастерье играют в футбол.

АНДРИ. Я и левого крайнего играл, если все отказывались. Конечно, я пойду, если вы возьмете меня в свою команду.

ПОДМАСТЕРЬЕ. Бутсы у тебя есть?

АНДРИ. Нет.

ПОДМАСТЕРЬЕ. А надо.

АНДРИ. Сколько они стоят?

ПОДМАСТЕРЬЕ. У меня есть старые, я их тебе продам, А потом тебе, конечна, нужны черные трусы и желтая майка. Ну и, конечно, желтые гетры.

АНДРИ. Правым я играю лучше, но если вам нужен левый крайний,— в общем, угловой уж я как-нибудь забью. (Потирает руки.) Вот здорово, Федри, если это получится?

ПОДМАСТЕРЬЕ. А почему же не получится?

АНДРИ. Это так здорово!

ПОДМАСТЕРЬЕ. Я капитан, а ты мой друг.

АНДРИ. Я буду тренироваться.

ПОДМАСТЕРЬЕ. Только не потирай все время по-еврейски руки, а то все трибуны помрут со смеху.

Андри засовывает руки в карманы.

Сигареты есть? Да не жидись, ты! На меня он не поорет! Собственного эха испугается. Ты когда-нибудь слышал, чтобы он на меня орал? (Закуривает сигарету.)

АНДРИ. Это так здорово, Федри, что ты мой друг.

ПОДМАСТЕРЬЕ. Это твой первый стул?

АНДРИ. Что скажешь?

Подмастерье берет у Андри стул и пытается вытащить ножку.

(Хохочет.) Их не вытащишь!

ПОДМАСТЕРЬЕ. Это он так всегда делает.

АНДРИ. Нет, ты попробуй, попробуй!

Подмастерье пробует, но тщетно.

Идет!

ПОДМАСТЕРЬЕ. Тебе везет.

АНДРИ. Каждый настоящий стул держится на шипах. Почему везет? Отклеивается только то, что приклеено.

Входит Столяр.

СТОЛЯР. У вас что, каникулы? Кто это тут опять курил?

Подмастерье мигом исчезает

Я же чувствую по запаху.

Андри молчит.

Если бы еще у тебя хоть немножко храбрости было.

АНДРИ. Сегодня суббота.

СТОЛЯР. Ну и что?

АНДРИ. Я об испытании. Вы сказали: в последнюю субботу этого месяца. Вот мой первый стул.

Столяр берет стул.

Не этот, господин мастер, другой!

СТОЛЯР. Стать столяром — это не так просто. Это должно быть в крови. Да, да, не просто. А откуда у тебя этому быть в крови? Ведь я говорил твоему отцу... Чего бы тебе не пойти в торговлю? Если человек не вырос вместе с деревом — с нашим деревом... Воздавайте хвалу вашим ливанским кедрам, но у нас, парень, работают с андоррским дубом.

АНДРИ. Это бук.

СТОЛЯР. Ты что: учить меня собираешься?

АНДРИ. Я думал, вы нарочно, чтобы меня проверить.

Столяр пытается вытащить ножку у стула.

Господин мастер, это же не мой!

СТОЛЯР. Вот, пожалуйста. (Вырывает первую ножку.) Ну, что я говорил? (Вырывает остальные три ножки.) Лягушачьи лапки, прямо лягушачьи лапки. И такой шарабан пускать в продажу! Стул от Прадера — да ты знаешь, что это значит? (Швыряет обломки под ноги Андри.) Вот, полюбуйся!

АНДРИ. Вы ошибаетесь.

СТОЛЯР. Вот-вот это стул! (Садится на другой стул.) Сто кило, не в обиду Богу будь сказано — сто кило вешу, но уж коль стул настоящий, он не скрипит и не зашатается, если на него сядет настоящий мужчина. Ну что, скрипит?

АНДРИ. Нет.

СТОЛЯР. Шатается?

АНДРИ. Нет.

СТОЛЯР. То-то!

АНДРИ. Это мой.

СТОЛЯР. А кто же сделал этот шарабан?

АНДРИ. Я же вам сразу сказал.

СТОЛЯР. Федри! Федри! С тобой одна только морока. Вот благодарность за то, что такого, как ты, возьмешь к себе в дело. Я так и предполагал.

Входит Подмастерье.

Федри, ты подмастерье или ты кто?

ПОДМАСТЕРЬЕ. Я...

СТОЛЯР. Сколько лет ты работаешь у Прадера?

ПОДМАСТЕРЬЕ. Пять.

СТОЛЯР. Который из этих стульев делал ты? Посмотри на них? Этот или вон тот? И отвечай.

Подмастерье смотрит на обломки.

Быстро отвечай.

ПОДМАСТЕРЬЕ. Я...

СТОЛЯР. Ты закрепил или нет?

ПОДМАСТЕРЬЕ. Каждый настоящий стул держится на шипах.

СТОЛЯР. Ну, слышал?

ПОДМАСТЕРЬЕ. ...отклеивается только то, что приклеено...

СТОЛЯР. Можешь идти.

Подмастерье смотрит на него в ужасе.

Я имею в виду — в мастерскую.

Подмастерье мгновенно исчезает.

А тебе это будет уроком. Я же знал, что тебе в мастерской не место. (Сидя, набивает трубку.) Жалко дерево.

Андри молчит.

Возьми это на топку.

АНДРИ. Не возьму.

Столяр зажигает трубку.

Это свинство!

Столяр продолжает зажигать трубку.

Я не откажусь от того, что я сказал. А еще раз скажу — вы сидите на моем стуле и говорите неправду, потому что так вам удобней, и раскуриваете трубку. Да, да, вы! Я боюсь вас, конечно, я весь дрожу. Почему я не имею права слова вам сказать? Я еще молод, и я все время думал:

ты должен быть скромным. Но это не имеет смысла, вам же наплевать на доказательства. Вы сидите на моем стуле. А вам до этого нет дела? Что бы я ни делал — вы все повернете против меня, и без конца надо мной издеваетесь. Я не могу больше молчать, у меня все горит внутри. А вы даже и не слушаете. Сосете свою трубку, а я говорю вам в лицо: вы лжете. Вы прекрасно понимаете, какое это свинство. Самое последнее свинство. Сидите на моем стуле, на стуле, который я сделал, и зажигаете трубку. Что я вам сделал плохого? Почему вы меня презираете? Вы сидите на моем стуле. Все меня презирают и смеются, и это без конца. Неужели вы и правда сильнее правды? Ведь вы прекрасно знаете, где правда, вы же на ней сидите...

Столяр зажег наконец трубку.

В вас нет ни капли совести...

СТОЛЯР. Не ерепенься.

АНДРИ. Вы сейчас похожи на жабу!

СТОЛЯР. Во-первых, тут тебе не стена плача.

Подмастерье выдает свое присутствие хихиканьем.

Ты что хочешь, чтобы я разогнал всю твою футбольную команду?

Подмастерье исчезает.

Во-первых, тут тебе не стена плача, а, во-вторых, я им слова не сказал о том, что я из-за этого тебя увольняю. Ни слова. У меня есть для тебя другая работа. Снимай-ка фартук! Я покажу тебе, как выписывать заказы. Ты слушаешь, что тебе говорит твой мастер? За каждый заказ, который ты принесешь, хоть ты и ершистый такой, ты получишь полфунта. Или, скажем, целый фунт за три заказа. Целый фунт! Вот это у таких, как ты, в крови, поверь уж мне. Пускай каждый делает то, что у него есть в крови. Ты будешь зарабатывать деньги, Андри, много денег.

Андри стоит как вкопанный.

Договорились?

Столяр встает и хлопает Андри по плечу.

Я тебе хочу только добра. (Уходит.)

АНДРИ. Но я же хотел стать столяром...

Столяр уходит, Федри забирает обломки, встречается взглядом с Андри

Выстрел + Фон

Просцениум

Некто высвечивает Подмастерье.

НЕКТО. Настоящего столяра из Федри так и не получилось. Стул, сделанный Андри и приписанный им себе, не помог ему удержаться в

мастерской. А вот футболист из него вышел вполне приличный. Разумеется по андоррским меркам.

ПОДМАСТЕРЬЕ. Я признаюсь, что это был мой стул, а не его. Тогда. Я хотел после с ним поговорить, но он уже был тогда такой, что говорить с ним стало невозможно. А потом я уже просто терпеть его не мог, я сознаюсь. Он даже не здоровался. Я не говорю, что он получил по заслугам, но и он был тоже виноват, иначе бы ничего и не случилось. Когда мы его потом еще раз спросили про футбол, он уже сделал вид, что мы ему не пара. А то, что они его потом забрали, то я-то тут причем. (Уходит.)

Некто бьет в колокол.

НЕКТО. В доме учителя.

Картина четвертая

Комната в доме Учителя. Доктор осматривает Андри, засунув ему ложку в рот. Рядом стоит Мать.

АНДРИ. А-а-андорра!

ДОКТОР. Только громче, друг мой, намного громче!

АНДРИ. А-а-а-андорра!

ДОКТОР. А подлиннее ложечки у вас не найдется?

Мать выходит.

Сколько тебе лет?

АНДРИ. Двадцать.

Доктор закуривает маленькую сигару.

Я еще ни разу не болел.

ДОКТОР. Ты парень что надо, я вижу. Крепкий парень, здоровый, мне это нравится. Ты работаешь?

АНДРИ. Я хотел стать столяром.

ДОКТОР. Покажи глаза! (Берет лупу из жилетного кармана и рассматривает глаза Андри.) Другой!

АНДРИ. Что у меня — вирус?

ДОКТОР. Я познакомился с твоим отцом двадцать лет назад и совсем не знал, что у него есть сын. Кабан! — Это мы так его звали. Вечно рвался пробить головой стенку! О нем много тогда говорили — молодой учитель рвет в клочья учебники, требует другие. Когда других ему не дали, он начал учить андоррских школьников, страница за страницей подчеркивать в андоррских учебниках красным карандашом вес, что неверно. И никто ничего не мог с ним поделать. Д-да, герой... Никто не знал толком, чего он хочет. Сорвиголова. Дамы просто таяли...

Ваш сын мне правится. {Продолжает осмотр.) Столяр — это хорошо, это андоррская профессия, нигде в мире нет таких хороших столяров, как в Андорре, все это знают.

АНДРИ. А-а-а-андорра!

ДОКТОР. Еще раз.

АНДРИ. А-а-а-андорра!

МАТЬ. Что-нибудь серьезное, доктор?

ДОКТОР. Что вы все—доктор, доктор! Меня зовут Феррер! (Проверяет пульс.) Уж если быть совсем точным, то профессор, но мне плевать на титулы, милейшая. Про андоррцев говорят, что они люди разумные и скромные, и так оно и есть. Андоррцы не любят чинопочитание. Уж какие бы титулы я мог теперь иметь! У нас каждый человек значит то, что он есть на самом деле. Почему, вы думаете, я вернулся — спустя двадцать лет? (Замолкает, чтобы сосчитать пульс) Н-да.

МАТЬ. Что-нибудь серьезное, профессор?

ДОКТОР. Милейшая, кто поездил по свету столько, сколько я, тот знает, что значит родина! Титулы титулами, но место мое здесь, и корни мои — здесь!

Андри кашляет.

Давно он кашляет?

АНДРИ, Это от вашей сигары, профессор, от сигары!

ДОКТОР. Андорра — маленькая страна, но она — свободная страна. Где найдешь сейчас такую? Ни у одного отечества в мире нет лучшего названия, и ни один народ на земле не свободен так, как наш, — открой рот, друг мой, пошире, пошире! (Заглядывает еще раз в горло, потом вынимает ложечку.) Небольшое воспаление.

АНДРИ. У меня?

ДОКТОР. Голова болит?

АНДРИ. Нет.

ДОКТОР. Бессонницей страдаешь?

АНДРИ. Иногда.

ДОКТОР. Ага.

АНДРИ. Но не потому.

Доктор еще раз засовывает ему ложечку в рот.

А-а-а А-а-а-андорра!

ДОКТОР. Вот теперь прекрасно, друг мой, теперь это звучит, и пусть всякий жид провалится сквозь землю, услышав название нашего отечества.

Андри вздрагивает.

Не проглоти ложечку!

МАТЬ. Андри!..

Андри встал.

ДОКТОР. Ну, в общем, ничего страшного, небольшое воспаление, беспокоиться нечего, но таблетки перед едой...

АНДРИ. Почему это — жид должен провалиться сквозь землю?

ДОКТОР. Куда это я их засунул. (Роется в своем чемоданчике.) Ты об этом спрашиваешь, юный друг мой, потому что ты еще не повидал свет. Уж я-то евреев знаю. Куда ни приди, жид уже тут как тут, все лучше всех знает, и тебе, простому андоррцу, остается только паковать вещички. Разве не так? Самое плохое в жидах — это их честолюбие. Во всех странах мира они захватили все кафедры — уж я-то знаю,— а нам ничего другого не остается, кик отправляться на родину. При этом я ничего против евреев не имею. Все эти ужасы — нет, нет. Я тоже спасал евреев, хоть запаха их не выношу. А где благодарность? Нет, их уж не изменишь. Захватили все кафедры мира. Их уж не изменишь. (Протягивает Андри таблетки.) Вот тебе таблетки.

Андри не берет и уходит.

Что это с ним?

МАТЬ. Андри! Андри!

ДОКТОР. Просто повернулся — и пошел.

МАТЬ. Ах, не надо бы вам этого говорить, профессор,— про евреев.

ДОКТОР. Почему?

МАТЬ. Андри — еврей.

Входит Учитель, под мышкой у него школьные тетрадки.
микрофон, холл

УЧИТЕЛЬ. Что случилось?

МАТЬ. Ничего, не волнуйся, ничего не случилось.

ДОКТОР. Откуда же я мог это знать...

УЧИТЕЛЬ. Что?

ДОКТОР. Как же это так ваш сын — еврей?

Учитель молчит.

Ну, скажу я вам, — просто повернулся и пошел. Врач его осматривает, даже болтает с ним, объясняет ему, что такое вирус...

УЧИТЕЛЬ. У меня дела.

Молчание.

МАТЬ. Андри — наш приемный сын.

УЧИТЕЛЬ. До свидания.

ДОКТОР. До свидания. (Берет шляпу и чемоданчик.) Да, да, я ухожу. (Уходит.)

УЧИТЕЛЬ. Что опять произошло?

МАТЬ. Не волнуйся, пожалуйста!

УЧИТЕЛЬ. Как этот тип оказался в моем доме?

МАТЬ. Это — наш новый врач.

Доктор возвращается.

ДОКТОР. Таблетки я все-таки оставляю. (Снимает шляпу.) Прошу прошения. (Надевает шляпу.) А что такого сказал "этот тип"? Что я такого сказал... конечно же, в шутку... Но ведь они не пони мают шуток... Я всегда говорил... Видел ли кто-нибудь еврея, который понимал бы шутки? Я нет... Ведь я просто сказал: уж я-то знаю жидов. По-моему, пока еще в Андорре разрешается говорить правду.

Учитель резко поворачивается к нему.

Куда это я дел свою шляпу?

УЧИТЕЛЬ (подходит к Доктору, снимает у него шляпу с головы, распахивает дверь и вышвыривает шляпу). Ваша шляпа вон там!

Доктор уходит.

МАТЬ. Я же просила тебя не волноваться. Он нам этого никогда не простит. Ты переругался со всем светом, а ведь Андри от этого не легче.

УЧИТЕЛЬ. Позови его сюда.

МАТЬ. Андри! Андри!

УЧИТЕЛЬ. Этого нам еще только не хватало. Этот тип — наш врач! Прямо не знаю, каким боком этот мир не повернется – все задница...

Входят Андри и Барблин.

Андри, запомни раз и навсегда — чтобы ты на эту болтовню не обращал внимания. Я не потерплю никакой несправедливости, ты это знаешь, Андри.

АНДРИ. Да, отец.

УЧИТЕЛЬ. Если этот господин — наш теперешний врач — еще раз откроет свою глупую глотку,— этот академик, этот... прогоревший спекулянт... тогда, — слышишь — он сам слетит с лестницы, лично! А не только его шляпа! Я тоже спекулировал, да! Как и полагается андоррцу! Но я не получил за это титулов! (Матери.) Я их не боюсь! (Андри.) И ты тоже не должен их бояться — понял? Если мы будем держаться вместе, Андри, ты и я — как мужчины, как друзья, как отец и сын разве я обращался с тобой не как с сыном? Я тебя когда-нибудь обижал? Тогда прямо так и скажи. Разве я обращался с тобой иначе, Андри, чем с моей дочерью? Тогда так и скажи. Я жду.

АНДРИ. Что я должен сказать тебе, отец?

УЧИТЕЛЬ. Я терпеть не могу, когда ты вот так стоишь, как проворовавшийся служка, или как не знаю кто, — такой робкий, потому что ты меня боишься. У меня просто терпение лопается. Я знаю, я не идеальный воспитатель.

Мать накрывает на стол.

А мать — разве она когда-нибудь была к тебе бессердечна?

МАТЬ. Ну что ты несешь! Можно подумать, что ты держишь речь на собрании.

УЧИТЕЛЬ. Я говорю с Андри.

МАТЬ. Вот именно.

УЧИТЕЛЬ. Как мужчина с мужчиной.

МАТЬ. Садитесь есть. (Выходит.)

УЧИТЕЛЬ. Это, собственно, все, что я хотел тебе сказать.

Барблин делает последние приготовления к обеду.

Почему, раз он там, за границей, такая знаменитость, — почему он там не остался, этот профессор, который во всех университетах мира не сумел дотянуть даже до доктора? Этот патриот, который стал окружным врачом, потому что он ни одного предложения не может сказать без "родины" и "Андорры". Конечно, кто же еще виноват, что из его честолюбия ничего не вышло,— кто же еще, как не жиды? В общем, чтобы я больше этого слова не слышал.

Мать приносит суп.

И тебе, Андри, я тоже запрещаю произносить это слово. Понял? Чтобы я его не слышал. Они же сами не знают, что говорят. А я не хочу, чтобы ты, чего доброго, поверил в то, что они говорят. Считай, что ничего этого не было. Раз и навсегда. Понял? Раз и навсегда.

МАТЬ. Ты кончил?

УЧИТЕЛЬ. Ничего и нет на самом деле.

МАТЬ. Тогда нарежь хлеб.

Учитель режет хлеб.

АНДРИ. Я хотел спросить о другом...

Мать наливает суп.

А может, вы уже все знаете. Да нет, не бойтесь, ничего не случилось. Я просто не знаю, как это надо сказать... Мне скоро будет двадцать один, а Барблин девятнадцать.

УЧИТЕЛЬ. Ну и что?

АНДРИ. Мы хотим пожениться.

Учитель роняет хлеб.

Да. И я пришел спросить — я хотел это сделать после испытания на столяра, но из этого все равно ничего не вышло... Мы хотим сейчас обручиться, чтобы другие это знали и не приставали к Барблин.

УЧИТЕЛЬ. Жениться??

АНДРИ. Отец, я прошу у тебя руки твоей дочери.

Учитель встает, как осужденный, услышавший свой приговор

МАТЬ. Я знала, что этим кончится, Кан.

УЧИТЕЛЬ. Молчи!

МАТЬ. А хлеб ронять вовсе не обязательно. (Поднимает хлеб с пола.) Они любят друг друга.

УЧИТЕЛЬ. Молчи!

Молчание.

АНДРИ. Но это правда, отец. Мы любим друг друга. Об этом трудно говорить. Еще когда мы были маленькие, в нашей комнатке с зелеными

обоями мы говорили о свадьбе. А в школе мы стеснялись, потому что все над нами смеялись,— говорили, что это нельзя, мы же брат и сестра! Один раз мы хотели вместе отравиться, потому что мы брат и сестра,--— волчьими ягодами. Но это было зимой, и волчьих ягод не было. И мы часто плакали, пока мама не заметила,— ты помнишь, мама, — ты нас успокоила и сказала, что мы совсем не брат и сестра. И рассказала всю эту историю, как отец перевез меня через границу, потому что я еврей. Я тогда так обрадовался и всем и школе рассказал, и вообще всем. С тех нор мы не спим больше в одной комнате мы ведь уже не дети.

Учитель стоит молча, кик изваяние.

Отец, настало время нам пожениться.

УЧИТЕЛЬ. Андри, это нельзя.

МАТЬ. Почему же нельзя?

УЧИТЕЛЬ. Потому что нельзя!

МАТЬ. Не кричи.

УЧИТЕЛЬ. Нет! Нет, нет!

Барблин разражается рыданиями.

МАТЬ. А ты тоже не реви раньше времени!

БАРБЛИН. Тогда я покончу с собой.

МАТЬ. И не болтай глупости!

БАРБЛИН. Или уйду к солдатам. Да, да, к солдатам.

МАТЬ. Господь тебя накажет.

БАРБЛИН. И пусть накажет.

АНДРИ. Барблин!

Барблин выбегает из комнаты.

УЧИТЕЛЬ. Оставь ее. У тебя будет много других девушек.

Андри пытается вырваться.

Андри!

АНДРИ. Она не в себе!

УЧИТЕЛЬ. Нет, ты останешься!

Андри остается.

Это первое "нет", которое я вынужден тебе сказать, Андри. (Закрывает лицо руками.). Нет!

МАТЬ. Я тебя не понимаю, Кан. Я тебя совсем не понимаю. Ты что, ревнуешь? Барблин уже девятнадцать, и кто-то все равно придет. Почему же не Андри? Мы его знаем. Так уж устроен мир. Ну что ты так смотришь и качаешь головой. Ведь это же большое счастье. А ты не хочешь отдать ему дочь? Ну, что молчишь? Ты, что ли, на ней женишься? Ты молчишь, потому что ты ревнуешь, Кан. Ревнуешь к молодости, к жизни вообще, и что дальше все уже пойдет без тебя.

УЧИТЕЛЬ. Ах, что ты знаешь!

МАТЬ. Я же просто спрашиваю.

УЧИТЕЛЬ. Барблин еще ребенок...

МАТЬ. Все отцы так говорят. Ребенок! — это для тебя, Кан, но не для Андри.

Учитель молчит.

Почему ты говоришь "нет"?

Учитель молчит.

АНДРИ. Потому что я жид.

УЧИТЕЛЬ. Андри!

АНДРИ. Ну говорите же, что же вы?

УЧИТЕЛЬ. Жид! Жид!

АНДРИ. Ведь в этом же дело.

УЧИТЕЛЬ. Жид! На каждом третьем слове, ни дня без этого, на каждом втором слове, ни дня без жида, ни ночи без жида, кто-то храпит, а мне слышится "жид!", жид, жид, ни одного анекдота без жила, ни одного гешефта без жида, ни одного ругательства без жида, никого нет, а я слышу "жид!", жид, жид и тысячу раз жид, детишки играют в жидов, стоит мне повернуться спиной, а вслед мне "жид!", и лошади в переулках ржут "Жи-и-ид! Жи-ид! Жи-ид!.."

МАТЬ. Ты преувеличиваешь.

УЧИТЕЛЬ. Да неужели же не может быть других причин?!

МАТЬ. Так скажи о них.

Учитель молчит, потом берет шляпу.

Куда ты?

УЧИТЕЛЬ. Туда, где меня оставят в покое. (Уходит, с треском захлопывая дверь.)

МАТЬ. Теперь опять будет пить всю ночь.

(Затемнение)

НЕКТО: Ночь. (Бьет в гонг)

Картина шестая

Перед комнатой Барблин. Андри спит на пороге.

Андри. Барблин!

Тишина.

Ты спишь, Барблин? А знаешь, ночь — как молоко, голубое молоко. Скоро птицы запоют. Как млечный потоп... Барблин!

Тишина.

Пускай он придет, твой папаша, пускай обнаружит меня на пороге у своей дочери. Пожалуйста! Я все равно не перестану, Барблин, я буду каждую ночь сидеть на твоем пороге, каждую ночь,— пускай он хоть до

смерти напивается из-за этого. (Достает сигарету.) Совсем уже спать не хочется. (Садится и закуривает.) Я больше не буду красться, как бродячая собака. Я буду ненавидеть. Я больше не буду плакать. Я буду смеяться. Чем они больше будут меня травить, тем приятней мне будет их ненавидеть. Ненависть придает человеку уверенность. И помогает строить планы. Я с каждым днем все больше радуюсь, потому что у меня есть план, и никто о нем не знает. А если я кажусь запуганным, то это я только притворяюсь. Ненависть делает человека хитрым. И гордым. Я им скоро покажу. С тех пор как я их ненавижу, мне часто хочется насвистывать и петь, но я этого не делаю. Ненависть делает терпеливым. И твердым. Я ненавижу их страну, которую мы скоро покинем, и все их рожи. Я люблю одного-единственного человека, и этого достаточно. (Прислушивается.) Кошка тоже еще не спит! (Пересчитывает монеты.) Барблин, я сегодня заработал полтора фунта — полтора фунта за один-единственный день. Я теперь экономлю. Я даже и не подхожу теперь к этому ящику. (Смеется.) Видели бы они, как они оказались правы: я только и делаю, что считаю деньги!

Вчера я видел этого Пайдера, — знаешь, того самого, которому ты нравишься. Который мне подножку подставил; он теперь как меня увидит, так ухмыляется, а мне плевать.

Мы поженимся. Ты веришь мне. Барблин, — есть другой мир, где никто нас не знает и где мне не будет никто подставлять подножку, и мы уедем туда, Барблин, а он тут пусть орет, сколько ему угодно. У нас уже есть сорок один фунт, слышишь! Сорок один фунт!

ГОЛОС СОЛДАТА: Жид всегда думает только о деньгах!

В эту минуту дверь открывается изнутри: в проеме стоит Солдат в свете свечи, босой, с расстегнутым поясом, полуголый.

СОЛДАТ. А ну пошел отсюда.

АНДРИ. Это неправда...

СОЛДАТ. Ты слышал? А ну пошел отсюда, пока я не сделал из тебя отбивную.

Андри уходит, а перед солдатом – Некто. Выстрел + Фон

Просцениум

НЕКТО. Андри так никогда и не узнал, что на самом деле произошло в ту ночь. А солдат, хвастаясь, что переспал с его невестой, предпочтет умолчать, что при этом скрутил ее ремнем и заткнул ей рот.

СОЛДАТ. Признаюсь: я его терпеть не мог. Я не знал, что он... не это самое, но все говорили, что он... это самое. Между прочим, я и сейчас думаю, что он таки был... это самое. Я его с самого начала терпеть не мог. Но я его не убивал. Я только делал то, что положено. Приказ есть приказ. Что бы было, если бы приказы не выполнялись! Я был солдат. (Уходит.)

НЕКТО. В церкви. (резко с другого поста) Джазовая ломаная

Появляется священник с Мадонной. Некто бьет в колокол.

Картина седьмая

СВЯЩЕННИК. Нам нужно поговорить, Андри. Твоя приемная мать хочет этого. Она очень беспокоится... Садись!

Андри молчит.

Садись, Андри!

Андри молчит.

Ты не хочешь сесть?

Андри молчит.

Понимаю, ты здесь впервые. Можно считать. Помню, однажды сюда залетел мяч, которым вы играли в футбол, и они послали за ним тебя к самому алтарю. (Смеется.)

АНДРИ. О чем мы должны говорить, ваше преподобие? Священник. Садись!

Андри молчит.

Итак, ты не хочешь сесть.

Андри молчит.

Ну, хорошо.

АНДРИ. Это правда, ваше преподобие, что я не такой, как все?

Пауза.

СВЯЩЕННИК. Андри, я понимаю, что тебя тяготит. Но ты должен знать, что мы тебя любим, Андри, таким, каков ты есть. Разве твой приемный отец не делает для тебя все, что может? Я слышал, он продал участок, чтобы ты мог стать столяром.

АНДРИ. Но я им не стану.

СВЯЩЕННИК. Это почему же?

АНДРИ. Ваш брат думает только о деньгах, сказал мне столяр,— а потому твое место не в мастерской, а за прилавком. Я буду продавцом, ваше преподобие.

СВЯЩЕННИК. Ну и хорошо.

АНДРИ. Но я хотел быть столяром.

СВЯЩЕННИК. Почему ты не садишься?

АНДРИ. Ваше преподобие ошибается, по-моему. Никто меня не любит. Я и сам себя не люблю.

Священник встает.

Можно мне теперь уйти?

СВЯЩЕННИК. Теперь выслушай, наконец, меня!

АНДРИ. Чего все хотят от меня, ваше преподобие?

СВЯЩЕННИК. Откуда такое недоверие, Андри?

АНДРИ. И все похлопывают меня по плечу.

СВЯЩЕННИК. Знаешь, Андри, кто ты? (Смеется.) Ты не знаешь этого, а потому я хочу тебе сказать.

Андри внимательно смотрит на него.

Ты — молодчина! По-своему ты молодчина, Андри! Я наблюдаю за тобой уже много лет, и я могу...

АНДРИ. Наблюдаете?

СВЯЩЕННИК. Именно.

АНДРИ. Почему же вы за мной наблюдаете?

СВЯЩЕННИК. Ты нравишься мне, Андри, больше других, именно потому, что ты не такой, как другие. Что ты качаешь головой? Ты способнее их. Точно! И это нравится мне, и я рад, что ты наконец пришел ко мне и я могу сказать тебе это.

АНДРИ. Это неправда.

СВЯЩЕННИК. Что неправда?

АНДРИ. Я такой же, как все. Я не хочу быть другим. И пусть он в десять раз сильнее меня, этот Пайдер, я сшибу его с ног на площади, перед всеми людьми, я поклялся себе в этом.

СВЯЩЕННИК. Какое тебе дело до Пайдера?

АНДРИ. Я поклялся себе в этом.

СВЯЩЕННИК. Я его тоже не люблю.

АНДРИ. Я не собираюсь заслуживать ничье расположение. Я сумею за себя постоять. Я не трус. И не способнее других, ваше преподобие, я не хочу, чтобы ваше преподобие так говорили.

СВЯЩЕННИК. Ну теперь ты меня выслушаешь?

АНДРИ. Нет. (Уклоняясь.) Не люблю, когда мне кладут руку на плечо…

Пауза.

СВЯЩЕННИК. С тобой действительно нелегко.

Пауза.

Короче говоря, твоя приемная мать была здесь. Более четырех часов. Эта добрая женщина страдает. Она говорит, что ты не садишься с ними за стол, ожесточился. Она говорит, ты не хочешь верить, что тебе желают добра!

АНДРИ. Все желают мне добра!

СВЯЩЕННИК. Почему ты смеешься?

АНДРИ. Если он хочет мне добра, ваше преподобие, почему он согласен отдать мне все, кроме собственной дочери?

СВЯЩЕННИК. Это его отцовское право...

АНДРИ. Но почему? Почему? Потому, что я еврей.

СВЯЩЕННИК. Не кричи.

Андри молчит

Никаких других мыслей тебе уже не может прийти в голову? Андри, я сказал тебе, как христианин, что я люблю тебя — но такова уж ваша натура, я вынужден это сказать, к сожалению,— что бы ни случилось с вами в жизни, все вы сводите к тому, что вы евреи. С вами действительно нелегко — из-за вашей мнительности.

Андри молча отворачивается.

Ну вот, теперь ты плачешь.

Андри всхлипывает, потом рыдает.

Что случилось? Ответь мне. Что с тобой? Я спрашиваю, что случилось. Андри! Говори же, Андри? Тебя трясет. Что-нибудь с Барблин? Ну прямо дитя малое. Чем же я помогу, если ты молчишь? Возьми себя в руки, Андри! Слышишь? Андри! Ведь ты мужчина. Слышишь? Ну, не знаю. Андри. ...моя Барблин. (Отрывает руки от лица, смотрит прямо перед собой.) Она не может любить меня, никто не может, я сам не могу любить себя...

Входит церковный служка с облачением.

Можно мне теперь уйти?

Служка помогает Священнику одеться.

СВЯЩЕННИК. Ты можешь остаться.

Служка продолжает одевать Священника.

Вот ты сам говоришь, что не любишь себя. Как же будут любить нас другие, если мы не любим себя сами? Господь наш учит: люби ближнего своего, как самого себя. Он говорит: как себя самого. Мы должны принять себя, а как раз этого ты не делаешь, Андри. Почему ты хочешь быть, как другие? Ты способнее их, верь мне, и энергичнее. Почему ты не хочешь это признать? В тебе есть искра Божья. Зачем ты играешь в футбол с этими дурачками, резвишься с воплями на лугу, чтоб только быть, как все андоррцы? Они все не любят тебя, я знаю. И знаю, почему. В тебе есть искра. Ты мыслишь. Почему бы не быть людям, в которых более разума, нежели чувства? Как раз это восхищает меня в вас. Что ты смотришь на меня? В вас есть искра. Вспомни Эйнштейна! И всех прочих, как их... Спинозу!

АНДРИ. Можно мне теперь уйти?

СВЯЩЕННИК. Из своей кожи не выпрыгнешь, Андри, будь ты христианин или еврей. Не удастся. Господь хочет, чтоб мы были такими, какими он нас создал. Понимаешь? И если они говорят, что еврей — трус, Андри, запомни: ты не трус, если ты принимаешь себя как еврея. И наоборот, ты не таков, как мы, слышишь? Я говорю: ты не трус. Только если ты захочешь быть, как все андоррцы, тогда ты трус...

АНДРИ. Можно мне теперь уйти?

СВЯЩЕННИК. Помни о том, Андри, что ты сам сказал: как тебя примут другие, если ты сам себя не принимаешь?

АНДРИ. Можно мне теперь уйти?..

СВЯЩЕННИК. Ты меня понял, Андри? фон

Появляется Некто.

Просцениум

НЕКТО. Спустя годы, Священник будет единственным, кто отчасти признает свою вину в том, что случилось с Андри.

СВЯЩЕННИК. Не сотвори себе кумира и никакого изображения ни Господа Бога твоего, ни человечков, им созданных. И я был виновен тогда. Я хотел оградить его любовью, когда говорил с ним. И я надел оковы на него, и я распял его на столбе.

Некто толкает статую Мадонны на руки священнику. . джазовая (до конца)

Картина восьмая

Площадь Андорры. Доктор — единственный, кто сидит, остальные — Трактирщик, Столяр, Солдат. Подмастерье, Некто с газетой — все стоят.

ДОКТОР. Говорю вам: успокойтесь!

СОЛДАТ. Как это так, на Андорру не нападут?

Доктор зажигает тоненькую сигару.

Вон, уже творится черт знает что!

ТРАКТИРЩИК. Что же, по-вашему, я должен сказать, что в Андорре не найдется свободной комнаты? У меня гостиница. Не указывать же чужестранке от ворот поворот.

Некто смеется, читая газету.

Что же мне оставалось делать? Пришла сеньора, спрашивает — нет ли приличной комнаты...

СОЛДАТ. Сеньора, вы слышали?

СТОЛЯР. Она оттуда?

СОЛДАТ. Если понадобится, мы сразимся — до последнего человека, а он пусть обслуживает ее! (Плюет на мостовую.) Тьфу, черт.

ДОКТОР. Только не теряйте спокойствия. (Курит.) Я немало поездил по свету, можете мне поверить. Я принадлежу Андорре, это все знают, душой и телом. Иначе я б не вернулся на родину, добрые люди, иначе ваш профессор не стал бы отказываться от всех кафедр мира...

Некто смеется, читая газету.

ТРАКТИРЩИК. Что тут смешного?

НЕКТО. Кто будет сражаться до последнего человека?

СОЛДАТ. Я.

НЕКТО. В библии сказано, последние станут первыми, или наоборот, не помню, первые станут последними.

СОЛДАТ. Что он хочет этим сказать?

НЕКТО. Я просто спросил.

СОЛДАТ. До последнего человека — это приказ. Лучше смерть, чем неволя, это написано в любой казарме. Это приказ. Пусть только сунутся, получат на орехи...

Короткое молчание.

СТОЛЯР. Как это так, на Андорру не нападут?

ДОКТОР. Положение напряженное, я знаю.

СТОЛЯР. Как никогда.

ДОКТОР. Но это длится уже много лет.

СТОЛЯР. Зачем им войска на границу?

ДОКТОР. Я немало поездил по свету, и вот что я хочу сказать. Во всем мире, можете мне поверить, нет народа, который был бы так же уважаем, как мы, андоррцы. Это факт.

СТОЛЯР. Пожалуй.

ДОКТОР. Так вот, если трезво и по-деловому отнестись к этому факту, то возникает вопрос, что может случиться с такой страной, как Андорра?

ТРАКТИРЩИК. Это верно.

СОЛДАТ. Что верно?

ТРАКТИРЩИК. Нет другого народа, который уважали бы так же, как нас.

СТОЛЯР. Пожалуй.

ДОКТОР. Уважают не то слово. Я встречал людей, которые даже понятия не имеют, где находится Андорра, но любой ребенок... в любой стране знает, что Андорра — это оплот мира, свободы и прав человека.

ТРАКТИРЩИК. Совершенно верно.

ДОКТОР. Андорра—это понятие, символ, если вы знаете, что это означает. (Курит.) Говорю вам: они не осмелятся.

СОЛДАТ. Почему же это?

ТРАКТИРЩИК. Потому что мы символ.

СОЛДАТ. Но они сильнее!

ТРАКТИРЩИК. Потому что нас так уважают. фон

Идиот вносит дамский чемодан, ставит и уходит.

СОЛДАТ. Вот — пожалуйста!

СТОЛЯР. Что ей здесь надо?

ПОДМАСТЕРЬЕ. Шпионка!

СОЛДАТ. Не иначе!

ПОДМАСТЕРЬЕ. Шпионка!

СОЛДАТ. А он ее обслуживает!

Некто смеется.

Что вы все время смеетесь?

НЕКТО. Шпионка это хорошо.

СОЛДАТ. А кто же она еще?

НЕКТО. Не шпионка — а шпион, даже если положение серьезное и мы имеем дело с особой женского пола.

СТОЛЯР. В самом деле, не понимаю, что она здесь потеряла.

ТРАКТИРЩИК. Вместо того чтобы отнести их сразу наверх, он их бросает здесь, идиот, а я должен их караулить...

ПОДМАСТЕРЬЕ. Смять их в лепешку, да и все тут.

СОЛДАТ. Пожалуйста! Пожалуйста! (Бьет ногой по чемодану.)

ТРАКТИРЩИК. Этого еще не хватало.

Некто смеется.

Я не предатель. Не правда ли, профессор? Не правда? Я — хозяин трактира. Я бы первым бросил камень. Точно! В Андорре еще есть гостеприимство, старый святой обычай. Не правда ли, профессор? Трактирщик не может отказать, даже если положение такое напряженное, и, тем более что тут — дама.

Некто смеется.

ПОДМАСТЕРЬЕ. И, тем более что у нее есть денежки!

Некто смеется.

ТРАКТИРЩИК. Положение серьезное, господин, — не до смеха.

НЕКТО. Шпионка.

ТРАКТИРЩИК. Не трогайте ее багажа!

НЕКТО. Шпионка — это очень хорошо. фон

Идиот вносит дамский плащ и кладет его на чемоданы. Идиот снова уходит.

СОЛДАТ. Вот — пожалуйста.

СТОЛЯР. Почему вы думаете, что на Андорру не нападут?

ДОКТОР. Да меня совсем не слушают. (Курит.) Я думал, что меня слушают. Они не осмелятся, я говорю. Даже если у них тьма танков и парашютов, они не позволят себе этого. Как сказал наш поэт: наше оружие — невинность. Или наоборот: невинность — наше оружие. Где в мире есть вторая такая республика, которая могла бы так же сказать о себе! Где, я спрашиваю? Народ, как наш народ, который может взывать к совести мира, как ни один другой, народ без вины...

Появившийся Андри, включает музыкальный ящик.. Chiribom

ВСЕ. Кончай! Выключи свои шарманку! Хватит!

Андри сжимается под взглядами присутствующих и выключает музыку.

ДОКТОР. Андоррцы, я хочу вам кое-что сказать. Никогда еще не нападали ни на один народ, не обвинив его в чем-нибудь. В чем они могут нас обвинить? Если что и случится с Андоррой, то это будет подлостью — явной и наглой. А на это они не осмелятся. Ни сегодня, ни завтра. Потому что весь мир встал бы на нашу защиту. Незамедлительно. Потому что совесть всего мира с нами.

НЕКТО (по-прежнему читая газету). Незамедлительно.

ТРАКТИРЩИК. Заткнитесь же, наконец!

Некто смеется, свертывая газету.

ДОКТОР. Кто вы такой, собственно?

НЕКТО. Добродушный тип.

ДОКТОР. Ваш юмор здесь неуместен.

Подмастерье пинает ногой чемоданы.

ТРАКТИРЩИК. Брось!

ДОКТОР. Что это значит?

ТРАКТИРЩИК. Ради бога!

Некто смеется.

ДОКТОР. Глупо. Они этого только и дожидаются. Оскорбление иностранцев в Андорре! Чтобы им было в чем нас обвинить. Вот глупость! Когда я вам ясно сказал: успокойтесь! Мы не дадим им повода — пусть себе шпионят.

Трактирщик поднимает чемоданы.

СОЛДАТ. Тьфу, черт!

Трактирщик вытирает чемоданы.

ДОКТОР. Счастье — что никто этого не видел...

Вдруг все замечают появившуюся Сеньору. Фон

Она медленно выходит на сцену, а все андоррцы неотрывно следят за ней.

Неожиданный удар гонга. Все, вздрогнув, оборачиваются к Некто.

НЕКТО. Перерыв. (Затемнение.)

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Фон

Та же мизансцена, что и в конце 1 акта. Сеньора войдя на сцену, садится за свободный столик, медленно снимает перчатки. Андоррцы изучают ее.

Доктор уходит, приподняв шляпу перед Сеньорой; Столяр знаком дает Подмастерью понять, чтобы тот следовал за ним.

СЕНЬОРА. Здесь что-нибудь произошло?

Некто смеется.

Можно попросить что-нибудь выпить?

ТРАКТИРЩИК. К вашим услугам, сеньора.

СЕНЬОРА. Что здесь вообще пьют?

ТРАКТИРЩИК. К вашим услугам, сеньора.

СЕНЬОРА. Стакан чистой воды — будет лучше всего.

ТРАКТИРЩИК. У нас есть все, сеньора.

СЕНЬОРА. Комната хороша, господин трактирщик, очень.

Трактирщик кланяется и уходит.

СОЛДАТ. А мне водки!

Солдат не уходит, даже садится, чтобы лучше рассмотреть Сеньору. Слева, на авансцене, около проигрывателя появляется Андри, опускает монетку.

Греческая песня (оригинал)

ТРАКТИРЩИК. Опять им понадобилась тарахтелка!

АНДРИ. Я плачу.

ТРАКТИРЩИК. У тебя что, только одно на уме?

АНДРИ. Да.

Играет заезженная пластинка. Сеньора пишет записку. Солдат глядит на нее. Свертывая записку, она говорит, не глядя на Солдата.

СЕНЬОРА (Идиоту.). Ты знаешь учителя Кана?

Идиот ухмыляется и кивает.

Отнеси ему эту записку.

(Пялящемуся на нее Солдату) Что, в Андорре нет женщин?

Входит Подмастерье.

СОЛДАТ. Ты слышал? Она спрашивает, есть ли в Андорре бабы.

ПОДМАСТЕРЬЕ. Что ты ответил?

СОЛДАТ. Этого нет. Зато мужчины!

ПОДМАСТЕРЬЕ. Ты так сказал?

СОЛДАТ. Может, она и приехала в Андорру, потому что там нет мужчин.

IIОДМАСТЕРЬЕ. Ты так и сказал?

СОЛДАТ. Так и сказал.

Они гогочут и перемещаются к Андри.

Эй, ты, говорят, собирался побить меня... Как поживает твоя невеста?

Андри хватает его за воротник.

Ты что? (Высвобождается.) Старый раввин рассказал ему сказку о Давиде и Голиафе, вот он и вообразил себя Давидом.

Все гогочут.

АНДРИ. Федри.

ПОДМАСТЕРЬЕ. Как он дрожит!

АНДРИ. Почему ты меня предал?

СОЛДАТ. Что тебе он, ты со мной разбирайся.

Андри сбивает шапку с головы Солдата.

Смотри у меня, ты! (Поднимает шапку с мостовой и стряхивает с нее пыль.) Если ты думаешь, что я готов пойти из-за тебя под арест...

ПОДМАСТЕРЬЕ. Да что ему нужно?

АНДРИ. А теперь сотри меня в порошок.

Солдат надевает шапку. Андри вновь ее сбивает, все смеются. Солдат неожиданно бьет его снизу так, что он падает.

СОЛДАТ. Где же твои камни, Давид?

Андри поднимается.

Вот он, наш разъяренный Давид!

Андри тоже бьет Солдата снизу так, что тот падает.

Ах, еврей проклятый!

Солдат бьет Андри, в то время как другие держат его за руки. Андри молча борется, потом вдруг высвобождается. Подмастерье пинает его сзади ногой. Андри поворачивается, в это время на него набрасывается Солдат. Андри падает. Солдат и Подмастерье со всех сторон пинают его ногами, пока не замечают подошедшую Сеньору.

СЕНЬОРА. Нет!

СОЛДАТ. Этого еще хватало — позориться перед иностранкой... (Исчезает вместе с товарищами.)

СЕНЬОРА. Кто ты?

АНДРИ. Я не трус.

СЕНЬОРА. Как тебя зовут?

АНДРИ. Они всегда говорят, что я трус.

СЕНЬОРА. Не надо, не трогай руками лицо!

Входит Трактирщик, с графином и стаканом на подносе.

ТРАКТИРЩИК. Что случилось?

СЕНЬОРА. Позовите врача.

ТРАКТИРЩИК. И это перед моим отелем!

СЕНЬОРА. Дайте сюда. (Берет графин, мочит носовой платок, наклоняется к Андри, который пытается встать.) Они били его сапогами.

ТРАКТИРЩИК. Не может быть, сеньора!

СЕНЬОРА. Не стойте же, прошу вас, позовите врача!

ТРАКТИРЩИК. У нас в стране не принято...

СЕНЬОРА. Я только умою тебя.

ТРАКТИРЩИК. Ты сам виноват. Зачем ты приходишь, когда здесь сидят солдаты...

СЕНЬОРА. Посмотри на меня!

ТРАКТИРЩИК. Я тебя предупреждал.

СЕНЬОРА. К счастью, глаз не поранен.

ТРАКТИРЩИК. Он сам виноват, все крутит пластинку, я его предупреждал, только раздражает людей.

СЕНЬОРА. Вы позовете врача?

Трактирщик уходит.

АНДРИ. Теперь они все против меня.

СЕНЬОРА. Болит?

АНДРИ. Мне не нужен врач.

СЕНЬОРА. Раны могут быть глубокими.

АНДРИ. Врача я знаю. (Поднимается.) Я могу идти, это всего лишь ссадина на лбу. Ваше платье, сеньора! Я испачкал вас кровью.

Сеньора выпрямляется.

СЕНЬОРА. Отведи меня к твоему отцу.

Затемнение.

Появляются Учитель и Сеньора.

СЕНЬОРА. Ты сказал, что наш сын — еврей.

Учитель молчит.

Зачем ты распространил эту ложь? Однажды к нам заезжал андоррский старьевщик, он любил поболтать. Чтобы похвастать своей Андоррой, он рассказал трогательную историю об одном учителе,

который спас жизнь еврейскому мальчику во времена великих убийств и который заботился о нем, как о собственном сыне. Я сразу же послала письмо: не ты ли тот учитель? Я требовала ответа. Я спрашивала, знаешь ли ты, что сделал? Я ждала ответа. Его не было. Может быть, ты не получил мое письмо. Я не хотела верить в то, во что боялась поверить. Я написала во второй, в третий раз. Я ждала ответа. Время шло... Зачем ты распространил эту ложь?

УЧИТЕЛЬ. Зачем, зачем, зачем!

СЕНЬОРА. Ты ненавидел меня, потому что я была труслива, когда появился ребенок. Потому что я боялась соседей. Когда ты добрался до границы, ты сказал, что это еврейский ребенок, которого ты спас от нас. Почему? Потому, что и ты был труслив и тоже боялся своих соседей.

Молчание.

Или все было не так?

УЧИТЕЛЬ. Ты меня презираешь?

СЕНЬОРА. Я просто смотрю на тебя. Вот и все. Я восхищался тобой. Я была уверена в тебе. А потом все обнаружилось, и вот я смотрю на тебя.

УЧИТЕЛЬ. Я всю жизнь лгал.

СЕНЬОРА. Может быть, ты хотел показать, что вы совсем другие, не такие, как мы. Потому что ты меня ненавидел. Но они здесь совсем не другие, и ты это видишь.

Учитель молчит.

Он сказал, что ему нужно домой и привел меня сюда, но когда он увидел твой дом, он повернулся и ушел, не знаю, куда.

УЧИТЕЛЬ. Я скажу им, что мой сын, наш сын, такой же крови, как они...

СЕНЬОРА. Иди же! Греческая (оригинал)

Он двинулся, но тут же остановился.

(кричит) Кан!!!

УЧИТЕЛЬ. А если они не захотят знать правду?!

Учитель уходит, появляется Андри.

Картина девятая

СЕНЬОРА. Раз этого не хотят, Андри, чтобы я тебе открыла, зачем я сюда приехала, то мне придется надеть перчатки и уйти.

АНДРИ. Сеньора, я ничего не понимаю.

СЕНЬОРА. Скоро ты все поймешь. (Надевает перчатку.) Тебе говорили, что ты красив? Они оскорбляли и унижали тебя, Андри, но скоро этому придет конец. Правда будет судией, а ты, Андри, единственный, здесь, кто может не бояться правды.

АНДРИ. Какой правды?

СЕНЬОРА. Я рада, что увидела тебя.

АНДРИ. Вы покидаете нас, сеньора?

СЕНЬОРА. Меня просят об этом.

АНДРИ. Если вы говорите, что Андорра не хуже и не лучше любой другой страны, то почему вы не хотите остаться?

СЕНЬОРА. Ты бы хотел этого?

АНДРИ. Я?

СЕНЬОРА.Я не могу. Я одна из тех — по ту сторону границы, ты слышишь, как их раздражает мое присутствие. Черная! Так они нас называют, я знаю... (Надевает вторую перчатку.) Мне бы многое нужно сказать тебе, Андри, о многом спросить, поговорить подробно. Но мы еще увидим друг друга, я верю в это... (Перчатка надета.) Мы увидим друг друга. (Еще раз оглядывается кругом.) Значит, здесь ты вырос.

АНДРИ. Да.

СЕНЬОРА. Мне бы нужно идти. (Продолжает сидеть.) Когда я была в твоем возрасте — время летит быстро, Андри, тебе двадцать и ты не представляешь себе этого: люди встречаются, любят, разлучаются, вся жизнь еще кажется впереди, но вот смотришь в зеркало и видишь — она уже позади, ты не заметил, как изменился, а на смену тебе пришли другие двадцатилетние... Когда я была в твоем возрасте, мой отец, офицер, погиб на войне, я знала, как он думал, и я хотела думать иначе. Мы хотели иначе жить. Мы были молоды, как ты, и то, чему нас учили, было убийством, мы знали это. И мы презирали мир как он есть, видели его насквозь и хотели построить новый. Мы хотели освободиться от страха перед людьми, мы не хотели лгать. А потом мы увидели, что только скрыли страх, а наш новый мир ничуть не лучше старого

Ты понимаешь, о чем я говорю?

АНДРИ. Нет.

Сеньора подходит к. Андри и целует его.

Почему вы поцеловали меня?

СЕНЬОРА. Мне нужно идти. Мы увидим друг друга?

АНДРИ. Я бы хотел этого.

СЕНЬОРА. Я всегда хотела не знать своих отца и мать. Никто не понимает своих родителей, когда видит мир, который они ему оставляют.

Входят Учитель и Мать.

Ухожу, уже ухожу.

Молчание.

Прощай.

Молчание.

Ухожу, да теперь уже ухожу. (Выходит.)

УЧИТЕЛЬ. Проводи ее! Но не через площадь, а в обход.

АНДРИ. Почему в обход?

УЧИТЕЛЬ. Иди!

Андри уходит.

Священник скажет ему об этом. Ни о чем не спрашивай! Ты не понимаешь меня, поэтому я никогда не говорил тебе об этом. (Садится.) Теперь ты все знаешь.

МАТЬ. Что скажет Андри на это?

УЧИТЕЛЬ. Мне он не поверит.

Шум на улице.

Будем надеяться, толпа не тронет ее.

МАТЬ. Я понимаю больше, чем ты думаешь, Кан. Ты любил ее, а женился на мне, потому что я андоррка. Ты предал нас всех, но Андри прежде всего. Не ругай андоррцев, ты сам — один из них.

Входит С в я щ е н н и к.

У вашего преподобия нелегкое задание в этом доме. Ваше преподобие объяснили Андри, что такое еврей и что он должен принять эти. И он принял. Теперь вашему преподобию предстоит разъяснить, что такое андоррец и чтобы он принял это.

УЧИТЕЛЬ. Теперь оставьте нас!

МАТЬ. Да поможет нам Бог, отец Бенедикт.

СВЯЩЕННИК. Я пытался, но бесполезно, с ними невозможно говорить, их раздражает всякое разумное слово. Я сказал, чтобы они шли домой и занялись собственными делами. Причем никто из них не знает, чего они, собственно, хотят.

Возвращается Андри.

УЧИТЕЛЬ. Почему ты вернулся?

АНДРИ. Она сказала, что хочет идти одна. (Показывает руку.) Она подарила мне это.

УЧИТЕЛЬ. Свое кольцо?

АНДРИ. Да.Кто эта сеньора?

УЧИТЕЛЬ. Тогда я сам ее провожу. (Уходит.)

СВЯЩЕННИК. Что тут смешного?

АНДРИ. Он ревнует!

СВЯЩЕННИК. Садись.

АНДРИ. Да с вами со всеми сегодня?

СВЯЩЕННИК. Смеяться нечему, Андри.

АНДРИ. Но ведь смешно. (Рассматривает кольцо.) Это топаз или что это?

СВЯЩЕННИК. Нам нужно поговорить, Андри.

АНДРИ. Опять? (Смеется.) Сегодня все ведут себя словно марионетки на перепутавшихся нитях, Вы тоже, ваше преподобие. (Берет сигарету.) Она была его возлюбленной? У меня такое чувство. У нас нет? (Курит.) Фантастическая женщина.

СВЯЩЕННИК. Я должен сказать тебе кое-что.

АНДРИ. При этом ведь не обязательно стоять? (Сидится.) В два часа я должен быть в лавке. Разве она не фантастическая женщина?

СВЯЩЕННИК. Я рад, что она тебе нравится.

АНДРИ. Сегодня все какие-то странные. (Курит.) Вы хотите сказать, что не следует идти в кафе и сбивать шапку с головы солдата, если ты еврей, и вообще не следует этого делать, а я все-таки рад, что сделал это. при этом я кое-чему научился, хотя это мне может и не пригодиться, теперь вообще после нашего разговора дня не проходит без того, чтобы я чему-нибудь научился, что мне не пригодится, ваше преподобие, так же как ваши добрые слова, я верю, что вы говорите их с самыми благими намерениями, ведь вы христианин но профессии, но я еврей но рождению, а поэтому я уезжаю.

СВЯЩЕННИК. Андри ...

АНДРИ. Коли мне удастся. (Гасит сигарету.) Я никому хотел говорить об этом.

СВЯЩЕННИК. Подожди!

АНДРИ. Это кольцо мне поможет. Вы будете молчать, ваше преподобие, вы никому не скажете об этом — вот единственное, что вы могли бы сделать для меня. (Встает.) Мне пора. (Смеется.) Во мне есть что-то от затравленного человека, я знаю, ваше преподобие совершенно правы...

СВЯЩЕННИК. Кто из нас будет говорить, ты или я?

АНДРИ. Прошу прощенья. (Садится.} Я слушаю.

СВЯЩЕННИК. Андри!

АНДРИ. Как торжественно!

СВЯЩЕННИК. Я пришел сюда, чтобы снять с тебя бремя.

АНДРИ. Я слушаю.

СВЯЩЕННИК. Я сам, Андри, ничего не знал об этом, когда мы говорили в последний раз. Он спас еврейского ребенка. Об этом говорилось уже много лет, христианский поступок, кто же мог в нем сомневаться! А теперь, Андри, когда приехала твоя мать...

АНДРИ. Кто приехал?

СВЯЩЕННИК. Сеньора.

Андри молчит.

Андри, ты не еврей.

Молчание.

Ты мне не веришь?

АНДРИ. Нет.

СВЯЩЕННИК. То есть ты думаешь, что я лгу?

АНДРИ. Это чувствуешь, ваше преподобие.

СВЯЩЕННИК. Что чувствуешь?

АНДРИ. Еврей ты или нет.

Священник, встает и подходит к Андри.

Не касайтесь меня! Ваши руки! Я не хочу этого.

Едет на велосипеде.

СВЯЩЕННИК. Ты слышишь, что я тебе говорю? Ты его сын. Андри, это правда!

АНДРИ. Сколько же у вас правд? На сей раз вам не удастся...

СВЯЩЕННИК. Почему ты не веришь нам?

АНДРИ. Вы вышли у меня из доверия.

СВЯЩЕННИК. Клянусь тебе собственной душой. Андри, ты его сын, наш сын, о том, что ты еврей, не может быть и речи.

АНДРИ. Но об этом была речь. С малых лет мне твердят, что я другой, не такой, как все, и я много думал об этом. И это правда, наше преподобие, я действительно другой. Мне говорили, как ведут и держат себя такие, как я, и я проводил у зеркала почти каждый вечер. Они правы: я держу себя именно так и не могу иначе. Я думал также о том, правда ли, что я думаю все время о деньгах, и опять они правы, я думаю все время о деньгах. Верно. И у меня нет души, я пытался, но напрасно, у меня не душа, а страх вместо нее. Они били меня сапогами, и это верно, что они говорили: я не чувствую так, как они. У меня нет родины. Ваше преподобие говорили, что нужно принять все, как есть, я принял. Теперь очередь за вами, ваше преподобие, принять вашего еврея.

СВЯЩЕННИК. Андри...

АНДРИ. Теперь буду говорить я, ваше преподобие.

СВЯЩЕННИК. ...ты хочешь быть евреем!?

АНДРИ. Я — еврей. Долго я не знал, что это значит, теперь знаю.

Священник беспомощно садится.

Я не хочу иметь ни отца и ни мать, чтобы их смерть причинила мне боль и чтобы то же самое не произошло с ними из-за моей смерти. И я не хочу иметь ни сестры, ни невесты: скоро все будет разметано и клочья, и не помогут никакие клятвы и никакая верность. Я хотел бы, чтобы это случилось скорее. Я стар. У меня выпали все надежды одна за другой, как зубы.

фон Я был полон радости. Зеленое солнце светило в деревьях. Я подбросил в воздух свое имя, словно шапку, принадлежащую мне и только мне, а сверху падает камень, который убьет меня. И я хочу умереть. Нет милости...

СВЯЩЕННИК. Андри! Не святотатствуй!..

АНДРИ. Все обреченные. Все. Взгляните на себя самого. Вы уже сегодня знаете, ваше преподобие, что будете делать, когда меня схватят на ваших добрых глазах, и поэтому так смотрите на меня своими добрыми глазами. Вы будете молиться. За меня, за себя. Но молитва не поможет даже вам, вы все равно окажетесь предателем.

Входят Некто и Учитель. Некто кидает камень.

СВЯЩЕННИК. Что случилось?

Учитель поник, у него подкашиваются ноги.

Говорите же!

УЧИТЕЛЬ. Ее убили.

АНДРИ. Сеньору?

СВЯЩЕННИК. Что случилось?

УЧИТЕЛЬ. Камень.

СВЯЩЕННИК. Кто его бросил?

УЧИТЕЛЬ. Андри. Они говорят, трактирщик видел это собственными глазами.

Андри хочет бежать.

(Удерживает его.} Он был здесь, он свидетель.

Просцениум

Некто перелистывает показания андоррцев. [illegible]фон плавно уходит

НЕКТО. Показания андоррцев, много лет спустя. Признаюсь: тогда так и не было установлено, кто бросил камень в ту иностранку. Лично я не был в тот момент на площади.

Я никого не хочу обвинять, я не мировой судья. Что касается того парня: конечно, я его помню. В кафе он часто крутил пластинку на свои чаевые, и когда они его взяли, мне было его жаль.

Что с ним делали солдаты, когда схватили его, я не знаю, мы только слышали, как он кричал... Когда-то ведь нужно все это забыть, по-моему.

Да, когда-то ведь нужно все это забыть.

Некто берет в руки мегафон.

(Кричит в мегафон.) Во избежание кровопролития всем сохранять спокойствие и порядок! Имеющие оружие должны незамедлительно его сдать. Всем оставаться в своих домах. Андоррцам нечего опасаться! Андоррцам нечего опасаться!

Картина десятая немецкий текст + Chiribim

Площадь Андорры. Андри сидит один.

АНДРИ. Меня видно со всех сторон, я знаю. Пусть смотрят на меня... (Берет сигарету.) Я не бросал камень! Пусть приходят все, кто видел это собственными глазами, пусть приходят из своих домишек, если не боятся, и показывают на меня пальцем.

Ни человека. Как будто все вымерли. Сидят в подвалах. Одни воробьи на проводах.

Они не прячутся, и мне незачем?

Я не бросал камень. (Курит.) С самого рассвета я брожу по вашим улицам. Один-одинешенек. Все ставни опущены, все двери на замке. В вашей снежно-белой Андорре остались одни только кошки да собаки... и воробьи…

Входит Учитель с ружьем. Chiribim снять

Оружие запрещается. Слышал? Все кончено.

УЧИТЕЛЬ. Андри.

Выключает музыку.

Мы ищем тебя всю ночь. Я был даже в лесу.

АНДРИ. Что мне делать в лесу?

Учитель. Андри, в городе черные. Динамик (Прислушивается.) Тихо!

АНДРИ. Что ты услышал? Да это воробьи.

УЧИТЕЛЬ. Тебе нельзя здесь оставаться.

АНДРИ. А где же мне быть?

УЧИТЕЛЬ. Это глупо, то, что ты делаешь, это — сумасшествие... (Берет Андри за руку.) Пошли, Андри!

АНДРИ. Я не бросал камень. (Вырывается.) Я не бросал камень!

Шорох. Динамик

УЧИТЕЛЬ. Что это?

АНДРИ. Ставни. (Тушит ногой сигарету.) У тебя есть спички?

УЧИТЕЛЬ. Сын мой...

АНДРИ. Оставь, не начинай сначала!

УЧИТЕЛЬ. Ты погибнешь, если не поверишь мне.

АНДРИ. Я не твой сын.

УЧИТЕЛЬ. Отца не выбирают. Что мне сделать, чтобы ты поверил? Что? Я всем, кого не встречу, говорю, что ты мой сын, даже детям в школе. Что еще? Повеситься мне, чтобы ты поверил?

Я не отступлю от тебя. (Садится рядом.)

АНДРИ. Теперь им понадобится козел отпущения.

УЧИТЕЛЬ. Пойдем домой!

АНДРИ. Не рассказывай все снова, отец, это не имеет смысла. Твоя судьба не моя, отец, а моя не будет твоей.

УЧИТЕЛЬ. Мой единственный свидетель мертв.

АНДРИ. Не говори о ней!

УЧИТЕЛЬ. У тебя ее кольцо.

АНДРИ. Отец не сделает того, что ты сделал.

УЧИТЕЛЬ. Откуда тебе знать? Сопляк. Андоррец, говорят они, не может иметь ничего общего с иностранкой, тем более ребенка. Я боялся их, да, боялся Андорры, потому что я был трусом.

АНДРИ. Нас слышат.

УЧИТЕЛЬ (оглядывается кругом — кричит в сторону домов). Потому что был трусом! (Вновь — Андри.) Поэтому я так сказал. В то время было легче иметь еврейского ребенка. Даже почетно. Они гладили тебя по головке поначалу, да, ибо им льстило, что они не такие, как те, за границей. Ты слышишь, что тебе говорит отец? Андри...

АНДРИ. Они тебе не поверят.

УЧИТЕЛЬ. Потому что ты мне не веришь! Смотришь на меня, как еврей, но ты — мой сын, да, мой сын, и если ты не поверишь этому — ты погиб.

АНДРИ. Я погиб.

УЧИТЕЛЬ. Ты не можешь меня простить? Скажи!

АНДРИ. Что?

УЧИТЕЛЬ. Ты хочешь, чтобы я повесился? Скажи!

АНДРИ. Вы напрасно тратите время, господин учитель.

Андри снова включает музыку. Chiribim

Я не первый. Я знаю, кто были мои предки. Тысячи и сотни тысяч умерли на столбах, я разделю их судьбу.

УЧИТЕЛЬ. Судьба!

АНДРИ. Ты этого не понимаешь, потому что ты не еврей. (Смотрит на улицу.) Оставь меня! (Уходит.)

Входит Солдат.

СОЛДАТ (Подходит к Учителю.) Сдать оружие!

УЧИТЕЛЬ. Нет.

СОЛДАТ. Приказ есть приказ.

УЧИТЕЛЬ. Нет.

СОЛДАТ. Андоррцам нечего опасаться.

Входят Доктор, Трактирщик, Столяр, Подмастерье, Некто — все безоружные.

УЧИТЕЛЬ. Жалкие твари! Вы все! Негодяи! Все до последнего человека. Негодяи! (щелкает затвором, собираясь стрелять а андоррцев.)

Но Солдат набрасывается на него и после короткой безмолвной борьбы — обезоруживает.

(Оглядываясь кругом.) Мой сын! Где мой сын?

Картина одиннадцатая

Перед комнатой Барблин. Андри и Барблин. Барабанный бой вдали.

АНДРИ. Много раз ты спала с ним?

БАРБЛИН. Андри.

АНДРИ. Я спрашиваю, много ли раз ты спала с ним, пока я сидел здесь на пороге и разглагольствовал о нашем побеге?

Барблин молчит.

Вот здесь он стоял босой, понимаешь, с расстегнутым ремнем.

БАРБЛИН. Молчи!

АНДРИ. С волосатой грудью, как у гориллы.

Барблин молчит.

Много раз ты спала с ним?

Барблин молчит.

Молчишь... Так о чем же нам говорить в эту ночь? Ты говоришь, чтобы я не думал об этом. Мне нужно думать о будущем, но у меня нет будущего... Я только хочу знать, много ли раз это было.

Барблин рыдает.

И это будет еще продолжаться?

Барблин рыдает.

Собственно, зачем мне знать это! Какое мне дело! Разве, чтоб испытывать к тебе жалость. (Прислушивается.)

Тишина.

БАРБЛИН. Все не так, совсем не так.

АНДРИ. Я знаю, где они будут искать меня.

БАРБЛИН. Ты так несправедлив, так несправедлив.

АНДРИ. Я попрошу прощения, если они придут.

Барблин рыдает.

Почему несправедлив? Я только спросил, каково это с громилой. Что за жеманство? Я только спросил, потому что ты была моей невестой. Не реви! Теперь ты могла бы мне это сказать, когда ты чувствуешь себя моей сестрой. {Гладит ей волосы.} Я слишком долго ждал тебя... (Прислушивается. }

БАРБЛИН. Они не могут ничего тебе сделать!

АНДРИ. От кого это зависит?

Барблин. Я буду с тобой! 🎤 микрофон, крик

Тишина.

АНДРИ. Опять этот страх...

БАРБЛИН. Брат!

АНДРИ. Вдруг. Если они знают, что я в доме и не найдут меня, они просто подожгут дом, способ известный, и будут ждать внизу, пока еврей не выпрыгнет через окно.

БАРБЛИН. Андри, ты — не еврей!

АНДРИ. Зачем же ты хочешь меня спрятать?

Барабанный бой вдали.

БАРБЛИН. Пойдем в мою комнату!

Андри качает головой.

Никто не знает, что здесь есть еще одна комната.

АНДРИ. Кроме солдата.

Барабаны смолкают.

Как будто ничего не было.

БАРБЛИН. О чем ты?

АНДРИ. Что будет, то было уже не однажды. Я говорю, как будто ничего не было. Моя голова у тебя на коленях. Помнишь? Это не прекращается. Моя голова у тебя на коленях. Я не мешал вам? Не представляю себе. Не представляю! Какую чушь я должен был говорить, раз меня уже не было? Почему ты не смеялась? Ты даже не смеялась. Как будто ничего не было. Как не бывало! А я даже не чувствовал, что на твоих коленях — Пайдер, что он держит в руках твои волосы. Пусть так! Все уже было...

 микрофон, крик

Они чувствуют, где притаился страх.

БАРБЛИН. Они проходят мимо.

АНДРИ. Они окружают дом.

Барблин вдруг смолкает.

Я — тот, кого они ищут, ты знаешь это, я не твой брат. Никакая ложь не поможет. Слишком много было лжи.

Тишина.

Так поцелуй же меня!

БАРБЛИН. Андри...

АНДРИ. Раздевайся!

БАРБЛИН. Ты сошел с ума, Андри.

АНДРИ. Поцелуй и обними меня!

Барблин уклоняется.

Или ты хранишь ему верность, ты...F0F0F0 микрофон, крик

БАРБЛИН. Что это?

АНДРИ. Они знают, где я.

БАРБЛИН. Так потуши свечку!F0F0F0 микрофон, крик

АНДРИ. Поцелуй меня!

БАРБЛИН. Нет, нет...

АНДРИ. Не можешь сделать то, что ты делаешь с каждым, голая, с радостью? Я не отпущу тебя. Как это: по-другому с другими. Скажи. Что значит по-другому? Дай поцеловать тебя, солдатская невеста! Одним больше, одним меньше, какая тебе разница, не ломайся. Попробуй по-другому со мной. Каково, скажи! Тебе скучно, когда я целую?

БАРБЛИН. Брат...

АНДРИ. Почему ты стыдишься только меня?

БАРБЛИН. Теперь отпусти меня!

АНДРИ. Теперь, да, теперь и никогда, я хочу тебя, да, голую, радостную, да. Сестричка, да, да, да...

Барблин кричит.

Вспомни о волчьих ягодах. (Расстегивает Барблин кофточку, так, как если бы она была в обмороке.) Вспомни о волчьих ягодах.

БАРБЛИН. Ты сошел с ума!F020F039F020 микрофон, крик

Слышал? Ты пропал, Андри, если ты не поверишь нам. Спрячься!F020F039F020 микрофон, крик

АНДРИ. Зачем мы не отравились, Барблин, когда были детьми...

Входит Солдат.

СОЛДАТ. Где он?

АНДРИ. ...теперь уже поздно...

СОЛДАТ. Где он?

БАРБЛИН. Кто?

СОЛДАТ. Наш еврей.

БАРБЛИН. У нас нет евреев.

Солдат отталкивает ее.

БАРБЛИН. Не трогайте моего брата, это мой брат...

СОЛДАТ. Еврейский досмотр это покажет. Немецкий текст по радио

БАРБЛИН. Что?

СОЛДАТ. Еврейский досмотр это покажет. Ну, вперед! Все должны пройти досмотр. Вперед.

Барблин кидается к Солдату.

Пошла вон, еврейская потаскуха!

Сверху падают листовки, андоррцы собираются на площади, где строится клетка.

 фон

Просцениум

Доктор подходит к свидетельскому пульту.

ДОКТОР. Я буду краток, хотя многое можно было бы сообщить из того, о чем теперь все говорят. Когда все прошло, легче, конечно, судить, как нужно было себя вести, хотя, что касается меня, то я действительно не знаю, как можно было вести себя иначе. Что, собственно, мы сделали? Ничего ровным счетом. Я был врачом, на коей должности пребываю до сих пор. Что я тогда говорил, я не помню, такой уж у меня характер. Андоррец говорит то, что думает — но я буду краток... Признаюсь: мы все тогда заблуждались, о чем я, разумеется, могу только сожалеть. Сколько раз мне это повторять? Я против жестокости, всегда был против нее. Этого молодого человека я и видел-то всего два-три раза. Избиения, которое произошло, вероятно, позднее, я не видел. И все-таки я осуждаю его, конечно.

Могу только сказать, что моей вины тут никакой, несмотря на то, что его поведение (об этом, к сожалению, нельзя умолчать) больше и больше становилось все (если говорить начистоту) каким-то еврейским, хотя вполне возможно, что он и был андоррцем, как все мы. Я отнюдь не отрицаю, что все мы стали до некоторой степени жертвами некоей злобы дня. Нельзя забывать, какое это было бурное время. Что касается меня лично, то я никогда не принимал участия ни в каких злодеяниях и не подстрекал к ним. Полагаю, что я могу заявить об этом во весь голос. Трагическая история, несомненно. Но я не виноват, что она произошла. Я думаю, что скажу от лица всех, если повторю в заключение: все мы не можем не сожалеть, что события приняли такой оборот в то непростое время.

Картина двенадцатая

Площадь Андорры. А н д о р р ц ы, как стадо в загоне, молча ждут. что же произойдет. Долгое время ничего не происходит. Шепот.

ДОКТОР. Только без паники. Когда осмотр окончится, все останется по-старому. Андоррцам нечего опасаться, написано черным по белому. Я останусь врачом, трактирщик трактирщиком, Андорра Андоррой...

ПОДМАСТЕРЬЕ. Черные платки раздали.

ДОКТОР. Только без паники.

ТРАКТИРЩИК. Они, наверняка, скажут, что среди нас их нет.

СТОЛЯР. Что скажут?

ТРАКТИРЩИК. Что среди нас их нет.

ДОКТОР. Да это же видно с первого взгляда.

ТРАКТИРЩИК. Во всяком случае, камень он бросил.

СТОЛЯР. Это установлено точно?

ТРАКТИРЩИК. Установлено!

ДОКТОР. А чего же тогда прячется? Почему он боится?

ТРАКТИРЩИК. Совершенно верно.

ДОКТОР. Как же он после этого не еврей?

СТОЛЯР. А кто сказал, что он не еврей?

ТРАКТИРЩИК. Да учитель.

СТОЛЯР. Говорят, они искали его всю ночь.

ДОКТОР. Они нашли его.

НЕКТО. Не хотел бы я быть на его месте.

ТРАКТИРЩИК. Во всяком случае, камень он бросил.

ДОКТОР. Как они раздают платки! Целой толпе – и ни единого слова! Какая организация! Смотрите, какая порядок.

СТОЛЯР. А зачем эти черные платки?

ДОКТОР. Еврейский досмотр.

СТОЛЯР. А нам-то это зачем?

ПОДМАСТЕРЬЕ. Он не читал инструкции.

СТОЛЯР. Ну и воняют же они.

Все принюхиваются к платкам.

Запах страха...

Барблин подходит к Доктору и Трактирщику, дергает их за рукава, что-то шепчет.

ДОКТОР (отгоняя Барблин). Что значит не подчиняться?! Уйдите от меня! Уйдите!

СТОЛЯР. Что она говорит?

ДОКТОР. А, бредит.

ТРАКТИРЩИК. Это дорого ей обойдется.

ДОКТОР. Только не сопротивляться.

ТРАКТИРЩИК (столяру). Установлено! Когда я сам это видел! На этом самом месте. Кто же еще мог бросить камень?

СТОЛЯР. Я просто спросил.

ТРАКТИРЩИК. Может, кто-нибудь из нас?

СТОЛЯР. Меня здесь не было.

ТРАКТИРЩИК. А я был! Может, я бросил камень?

ДОКТОР. Тихо.

ТРАКТИРЩИК. Я? ДОКТОР. Помолчите.

ТРАКТИРЩИК. Здесь, на этом самом месте, лежал камень, я сам его видел, булыжник от мостовой, и он взял его, вот так…

ДОКТОР. Только без паники. 🔉 фон

Через площадь проходит черный в штатском.

ДОКТОР. Это он.

СТОЛЯР. Кто?

ДОКТОР. Эксперт по евреям.

ТРАКТИРЩИК. А если он ошибется?

ДОКТОР. Он не ошибается.

ТРАКТИРЩИК. Что тогда?

ДОКТОР. Как он может ошибиться?

ТРАКТИРЩИК. А вдруг — что тогда?

ДОКТОР. У него глаз наметанный. Не сомневайтесь! Чутье. Он это определит по походке, по тому, как передвигаются ноги у идущего человека.

НЕКТО. Поэтому нам и нужно будет снять ботинки?

ДОКТОР. Да. Он учился на эксперта по евреям.

Барблин, дергает за рукав Подмастерье, шепчет ему что-то, тот вырывается.

ПОДМАСТЕРЬЕ. Отстань, ты!

ВСЕ. Что? Что она говорит?

ПОДМАСТЕРЬЕ. Да она спятила. Говорит, никто не должен идти через площадь, пусть забирают всех. Она подаст пример. Ведь она спятила.

Свисток.

Начинают.

ДОКТОР (Напяливая платок на голову.) Один свисток – надеть платок.

ТРАКТИРЩИК. Ни за что не надену на голову черный платок!

СТОЛЯР (Напяливая платок.) Почему это?

ТРАКТИРЩИК. Не буду!

ПОДМАСТЕРЬЕ (Напяливая платок.) Приказ есть приказ.

ТРАКТИРЩИК. Зачем это?

ДОКТОР. Они всегда так делают, когда кто-нибудь прячется. Мы сами виноваты. Если бы мы его выдали сразу, ничего бы и не было...

ТРАКТИРЩИК (показывает на Идиота). А почему у этого нет черного платка?

СТОЛЯР. Этому они и так верят, что он не еврей. (Все смеются.)

ДОКТОР. Тихо. (Надевает на Идиота платок.)

ТРАКТИРЩИК. Ни за что не надену на голову черный платок.

ДОКТОР. Тогда отхлестают плетьми.

ТРАКТИРЩИК. Меня?

ПОДМАСТЕРЬЕ. Он не читал желтый плакат.

ТРАКТИРЩИК. Как это отхлестают? (Человеку в штатском.) Я — хозяин трактира. Почему мне не верят? Я — хозяин трактира, любой ребенок знает, кто я, вы все, я ведь трактирщик... (Некто в штатском смотрит на него, и трактирщик осекается.)

Я трактирщик…

ПОДМАСТЕРЬЕ. Он боится!

ТРАКТИРЩИК. Вы-то знаете меня?

ПОДМАСТЕРЬЕ. Он боится, боится!

Некоторые закутанные смеются.

ТРАКТИРЩИК. Ни за что не надену на голову черный платок...

ДОКТОР. Тогда отхлещут плетьми.

ТРАКТИРЩИК. Я не еврей!

ДОКТОР. Сошлют в лагерь.

ТРАКТИРЩИК. Я не еврей!

ПОДМАСТЕРЬЕ. Он не читал желтый плакат.

ТРАКТИРЩИК. Вы не узнаете меня? Вот ты? Я — хозяин трактира. А ты кто? Вы не можете этого сделать. Вы! Я хозяин трактира. Вы не узнаете меня? Вы ведь не бросите меня в беде? Вот ты, скажи, кто я? {Хватает за руку Учителя, который входит вместе с Матерью. Оба еще без платка).

УЧИТЕЛЬ. Ты тот, кто бросил камень? Почему ты говоришь, что это сделал мой сын?

Трактирщик закутывается в черный платок и прячется в толпе закутанных. Учитель и Мать остаются вдвоем.

Как они все закутались!

2 свистка

СТОЛЯР. Что это значит?

ДОКТОР. Два свистка — снять ботинки.

СТОЛЯР. Кому?

ДОКТОР. Всем.

СТОЛЯР. Уже?

ПОДМАСТЕРЬЕ. Снять ботинки, снять ботинки.

СТОЛЯР. Зачем?

ПОДМАСТЕРЬЕ. Он не читал инструкцию...

Все закутанные нагибаются, чтобы снять ботинки, некоторое время тишина.

УЧИТЕЛЬ. Какое послушание!

ДОКТОР. Два свистка значит: снять ботинки. Так в инструкции. Три свистка: идти.

СТОЛЯР. Босиком?

ТРАКТИРЩИК. Что он говорит?

ПОДМАСТЕРЬЕ. Снять ботинки, снять ботинки.

ДОКТОР. Три свистка: идти.

ТРАКТИРЩИК. Куда идти?

ДОКТОР. Так в инструкции.

ТРАКТИРЩИК. Что он говорит?

ПОДМАСТЕРЬЕ. Так в инструкции.

СТОЛЯР. Что значат два свистка?

ДОКТОР. Снять ботинки?

СТОЛЯР. Как же босиком?

ПОДМАСТЕРЬЕ. А три свистка: идти.

СТОЛЯР. Куда девать ботинки?

ТРАКТИРЩИК. А куда идти?

СТОЛЯР. А куда девать ботинки?

ДОКТОР. Андоррцам нечего опасаться.

ТРАКТИРЩИК. Что он говорит?

ПОДМАСТЕРЬЕ. Андоррцам нечего опасаться.

СТОЛЯР. Куда девать ботинки?

УЧИТЕЛЬ (без платка, единственный, кто среди закутанных стоит во весь рост). Андри – мой сын. ДОКТОР. Нам-то что.

УЧИТЕЛЬ. Слышите, что я говорю?

ТРАКТИРЩИК. Что он говорит?

ПОДМАСТЕРЬЕ. Андри — его сын.

СТОЛЯР. Чего же он тогда прячется?

УЧИТЕЛЬ. Я говорю: Андри — мой сын.

ТРАКТИРЩИК. Во всяком случае, он бросил камень.

УЧИТЕЛЬ. Кто из вас утверждает это?

СТОЛЯР. Куда девать ботинки?

УЧИТЕЛЬ. Зачем вы лжете? Это сделал кто-то из вас. Зачем вы говорите, что это сделал мой сын? Вы — народ, прости, Господи, вы — народ!

Входит Солдат

СОЛДАТ. Готовы? Ботинки оставить на площади. Но чтобы был порядок! Как в армии. Ясно? Ботинок к ботинку. Сделали? Армия несет ответственность за порядок и спокойствие. Ну и картина! Ясно сказано: ботинок к ботинку. И не бурчать здесь. (Осматривает ряд ботинок.) Эти вот!

ТРАКТИРЩИК. Я — хозяин трактира.

СОЛДАТ. Выдвинуть вперед!

УЧИТЕЛЬ. Где мой сын?

СОЛДАТ. Кто?

УЧИТЕЛЬ. Где Андри?

СОЛДАТ. И этот здесь, не беспокойтесь, не выскользнул от нас. Тоже будет шагать. Босиком, как вы.

УЧИТЕЛЬ. Ты понял, что я сказал?

СОЛДАТ. Выполнять. Выстроиться по одному!

УЧИТЕЛЬ. Андри — мой сын.

СОЛДАТ. Это мы увидим.

Итак, по команде вы идете, один за другим. Доходите до эксперта и останавливаетесь.

Поняли? Почтительность в позе не обязательна. Ясно? Это умеют только в армии, потому что там этому учат. Кто не еврей, тот свободен, то есть: идет на работу.

Приготовиться!

Колокола.

УЧИТЕЛЬ. Что делает священник в этот час?

СОЛДАТ. Молится, должно быть, за еврея!

УЧИТЕЛЬ. Он знает правду.

3 свистка

СОЛДАТ. Тихо! Выполнять! Первый!

Никто не шевелится.

Вперед, давай, вперед!

Что случилось, черт вас побрал, вы должны пройти через площадь, как обычно. Итак, вперед, давай!

Никто не шевелится.

Андоррцам нечего опасаться... 🔉 фон

Выходит Б а р б л и н, закутанная в платок.

Сюда!

Барблин подходит к Евреееведу и бросает черный платок к его ногам.

Что это значит?

БАРБЛИН. Это — знак. Скажи ему, ни один андоррец не пойдет через площадь! Ни один из нас! И пусть нас выпорят. Скажи ему! Пусть нас всех расстреляют.

Солдат хватает Барблин, которая безуспешно сопротивляется. Никто не шевелится. Тишина. Барблин уводят.

Солдат. Итак, начали. Один за другим. Или выпороть вас? Один за другим. 🔉 фон

Столяр двигается.

СТОЛЯР (перед экспертом). Меня зовут Прадер. Я столяр.

Евреевед делает знак – он может идти. 🔉 фон

СОЛДАТ. Дальше.

СТОЛЯР. Кто мне сделал подножку?

СОЛДАТ. Никто. Сказано, дальше. Следующий. Кто прошел, забирает свои ботинки. Что вам все объяснять, как в детском саду?

СТОЛЯР. Мне кто-то поставил подножку.

СОЛДАТ. Тихо! Свернуть платок. Аккуратно! Здесь не свинарник. Метки должны быть справа. Что о нас подумают иностранцы!

Доктор подходит к эксперту.

Поживей, чтоб до вечера управиться. F0F0 фон

ДОКТОР. Феррер. Доктор. Профессор.

Евреевед делает знак – он может идти.

СОЛДАТ. Берите свои ботинки. Дальше, дальше.

ДОКТОР. Я не умею ходить с платком на голове. Не привык. Как можно идти, когда не видишь земли?

СОЛДАТ. Дальше, дальше.

ДОКТОР. Это уж чересчур!

СОЛДАТ. Следующий! Вы что, не можете напялить даже свои паршивые ботинки? Кто свободен, я говорю, берет ботинки и уходит. Что вы тут толпитесь и глазеете? Следующий!

ДОКТОР. Где мои ботинки? Кто-то взял мои ботинки. Это не мои ботинки.

СОЛДАТ. Зачем же вы их берете?

ДОКТОР. Они стоят на моем месте

СОЛДАТ. Ну, прямо детский сад

ДОКТОР. Разве это мои ботинки. Я не уйду без ботинок.

СОЛДАТ. Не устраивайте истерики!

ДОКТОР. Я не могу идти босиком. Не привык. И прошу говорить со мной вежливо. Что за тон! Я не позволю.

СОЛДАТ. Да что случилось?

ДОКТОР. Я не устраиваю истерики.

СОЛДАТ. Не знаю, что вам нужно.

ДОКТОР. Мои ботинки.

СОЛДАТ. Я на службе!

Евреевед подает знак.

Следующий!

Никто не шевелится.

ДОКТОР. Это не мои ботинки!

Солдат берет ботинки у него из рук.

Я буду жаловаться. Точно, жаловаться, кто-то подменил мои ботинки. Я никуда не уйду, а если мне будут грубить — тем более. Меня зовут Феррер...

СОЛДАТ. Дальше! Следующий! Следующий! фон

ДОКТОР. Нашел.

Подходит Подмастерье.

ПОДМАСТЕРЬЕ. Я подмастерье. Работаю в столярной мастерской. Капитан футбольной команды.

Евреевед делает знак – он может идти.

СТОЛЯР. Что тут с этой выпивкой?

ПОДМАСТЕРЬЕ. Трактирщик еще не прошел.

Идиот в платке, сжавшись от страха, подходит к эксперту. фон

СОЛДАТ. Стой!

Закутанный останавливается.

Снять платок!

Закутанный не шевелится.

Снять платок, еврей, не слышишь? (Подходит к закутанному, сдергивает платок.)

Идиот оцепенел от страха.

Евреевед встает. обходит Идиота, осматривает его долго и казенно-равнодушно, но добросовестно. У Идиота заметно искажается лицо. Евреевед авторучкой приподнимает его подбородок.

Это не он. Он просто перепугался. А когда перепуган, то похож на еврея. Это не он. Да не бойся ты. Выше голову, ты, застыл, как... (Осматривает ноги, потом садится и небрежно машет рукой.). Проваливай, ты!

Оживление в толпе.

ДОКТОР. Он не ошибается. Что я говорил? Он никогда не ошибается, у него наметанный глаз…

СОЛДАТ. Следующий!

Гуськом вновь идут закутанные.

Что за свинство, у вас что, нет собственного платка, что вы вытираете ноги черным?

Закутанный Трактирщик подходит и берет булыжник. F0F39F20 фон

ТРАКТИРЩИК. Я — хозяин трактира.

СОЛДАТ. Зачем вам этот камень?

ТРАКТИРЩИК. Я — хозяин трактира, я...

СОЛДАТ. А потому наложил в штаны!

ТРАКТИРЩИК. Я... видел собственными глазами…(Не снимает платок.)

СОЛДАТ. А потому наложили в штаны!

Евреевед делает знак – он может идти.

ДОКТОР. У него наметанный глаз. Что я говорил? Он по походке видит...

К евреееведу подходят Учитель и Мать. F0F020 фон

УЧИТЕЛЬ. Я – учитель. Это – моя жена.

Евреевед делает знак – они могут идти.

В клетке остается один Андри, с платком на голове.

СОЛДАТ. Следующий.

Андри не шевелится.

Сними платок, еврей, это тебе не поможет. Сними платок.

Андри пытается засмеяться.

ДОКТОР. Если уж что не еврейский смех, то я не знаю...

УЧИТЕЛЬ. Андри?!

СОЛДАТ. Считаю до трех.

Андри не шевелится.

Раз...

УЧИТЕЛЬ. Нет!

СОЛДАТ. Два...

Учитель срывает с него платок.

Три…

УЧИТЕЛЬ. Это мой сын!

Евреевед обходит и осматривает Андри. Андри потирает руки.

Это мой сын!

МАТЬ. Я скажу правду.

СОЛДАТ. Разве Андри — твои сын?

МАТЬ. Нет.

СОЛДАТ. Вы слышали? Слышали?

МАТЬ. Но Андри – сын моего мужа.

ТРАКТИРЩИК. Пусть докажет.

МАТЬ. Это — правда. И Андри не бросал камень, я это знаю, потому что он был дома.

когда. произошло. Клянусь в этом. Я сама была дома. Я знаю и клянусь в этом

Господом Богом, всемогущим судьей нашим во все времена.

ТРАКТИРЩИК. Она лжет.

МАТЬ. Отпустите его.

Евреевед снова встает.

СОЛДАТ. Тихо.

Евреевед снова подходит к Андри и повторяет осмотр. Андри выворачивает карманы

брюк и на мостовую высыпаются монеты, андоррцы убегают от катящихся

денег, как от лавы.

(Смеется.) Еврейские денежки.

ДОКТОР. Он не ошибается…

УЧИТЕЛЬ. Что значит еврейские? Ваши деньги – наши деньги. Разве у вас в карманах

не такие же?

Андри, почему ты молчишь?

Андри улыбается.

Это мой сын, он не должен умереть, мой сын!

Евреевед делает знак солдату, показывая на руку Андри.

СОЛДАТ. Откуда это кольцо?

СТОЛЯР. И драгоценности у него есть…

СОЛДАТ. Давай сюда!

АНДРИ. Нет.

СОЛДАТ. Давай, говорю!

АНДРИ. Нет, пожалуйста…

СОЛДАТ. Или они отрубят тебе палец.

АНДРИ. Нет, нет! (Сопротивляется.)

СТОЛЯР. Как он за них стоит, за свои драгоценности…

Евреевед делает знак солдату.

СОЛДАТ. Раздеться. Снять одежду!

Евреевед включает музыку. 🈀 Chiribim Андри начинает раздеваться.

Учитель и Мать кричат. Солдат кидается к ним.

СОЛДАТ. Стоять! Всем стоять!

УЧИТЕЛЬ. Это мой сын!

МАТЬ. Отпустите его!

Евреевед уводит Андри. Через некоторое время слышен его крик.

Потом тишина.

УЧИТЕЛЬ. Гните спину. Ступайте по домам. Вы ничего не знаете. Вы ничего не

видели. Ступайте по домам, посмотрите в зеркало и пусть вас стошнит. (Уходит.)

СОЛДАТ. Ботинки ему теперь не понадобятся. (Уходит.)

СТОЛЯР. Бедный еврей.

ТРАКТИРЩИК. Мы-то здесь при чем?

Некто уходит, другие уходят по направлению к трактиру.

СТОЛЯР. Мне водки.

ДОКТОР. Мне тоже водки.

СТОЛЯР. Насчет пальца — это они уж слишком...

Появляется Некто, Б а р б л и н и священник. Барблин опускается на колени и красит белой краской мостовую на площади; она острижена. F0F928 гитара

БАРБЛИН. Я белю, белю.

СВЯЩЕННИК. Барблин!

БАРБЛИН. Почему бы мне не побелить дом моих отцов, ваше преподобие? СВЯЩЕННИК. Твои мысли путаются.

БАРБЛИН. Я белю.

СВЯЩЕННИК. Это не дом твоего отца, Барблин.

БАРБЛИН. Я белю, белю.

СВЯЩЕННИК. В этом нет смысла.

БАРБЛИН. В этом нет смысла.

ТРАКТИРЩИК. А что это она здесь делает?

БАРБЛИН. Здесь его ботинки.

Трактирщик хочет их взять.

Не трогай!

СВЯЩЕННИК. Она лишилась рассудка.

БАРБЛИН. Я белю, белю. Что вы делаете? Если вы не видите, что я вижу, тогда смотрите: я белю.

ТРАКТИРЩИК. Брось это!

БАРБЛИН. Кровь, кровь, повсюду кровь.

ТРАКТИРЩИК. Это мои столики!

БАРБЛИН. Твои, мои, наши столики.

ТРАКТИРЩИК. Она должна кончить это!

БАРБЛИН. Кто ты?

СВЯЩЕННИК. Я уже все попробовал.

БАРБЛИН. Я белю, белю, чтобы у нас была белая Андорра, я белю вас всех — всех.

СОЛДАТ. Кто что такая?

БАРБЛИН. Он не знает меня. Пусть оставит меня в покое. Ваше преподобие, я у пего на примете, ваше преподобие, я помолвлена. Еврейская потаскушка Барблин.

СОЛДАТ. Поди прочь!

БАРБЛИН. Куда ты дел моего брата?

Откуда вы идете, вы все, куда вы идете, вы все, почему вы не идете домой, вы все, вы все, и не повеситесь?

СТОЛЯР. Что она говорит?

БАРБЛИН. И этот тоже!

ТРАКТИРЩИК. Она спятила.

СОЛДАТ. Уберите же ее.

БАРБЛИН. Я белю.

СТОЛЯР. Что это значит?

БАРБЛИН. Я белю, белю. Вы видели палец? Вы видели палец?

СОЛДАТ. Хватит, наконец!

Барблин машет кистью с краской. Все возмущенно орут, утираются.

СВЯЩЕННИК. Оставьте ее в покое. Ее отец повесился в классе. Она ищет отца, ищет волосы, ищет брата.

ТРАКТИРЩИК. Мы-то тут при чем?

СТОЛЯР. Пусть оставит нас в покое.

ПОДМАСТЕРЬЕ. Я уже предупреждал ее.

ДОКТОР. По-моему, ей пора в одно заведение.

Все, кроме Священника и Барблин, отходят.

Барблин, ты слышишь меня?

Барблин белит мостовую.

Я пришел, чтобы отвести тебя домой.

БАРБЛИН. Я белю.

СВЯЩЕННИК. Я — отец Бенедикт,

БАРБЛИН. Где ты был, отец Бенедикт, когда они взяли нашего брата и повели на бойню, на убой? Где? Ты сам стал черным, отец Бенедикт...

Священник молчит.

Отец мертв.

СВЯЩЕННИК. Я знаю это, Барблин.

БАРБЛИН. А мои волосы?

СВЯЩЕННИК. Я молюсь за Андри каждый день.

БАРБЛИН. А мои волосы?

СВЯЩЕННИК. Твои волосы снова вырастут, Барблин...

БАРБЛИН. Как трава на могилах.

Священник хочет увести Барблин, но она вдруг останавливается и возвращается к ботинкам.

СВЯЩЕННИК. Барблин, Барблин... (Уходит.)

Появляется Некто.

БАРБЛИН. Вот его ботинки. Не трогайте их! Когда он вернется, то — вот его ботинки.

Некто включает музыкальный ящик. Chiribim

ЗАНАВЕС